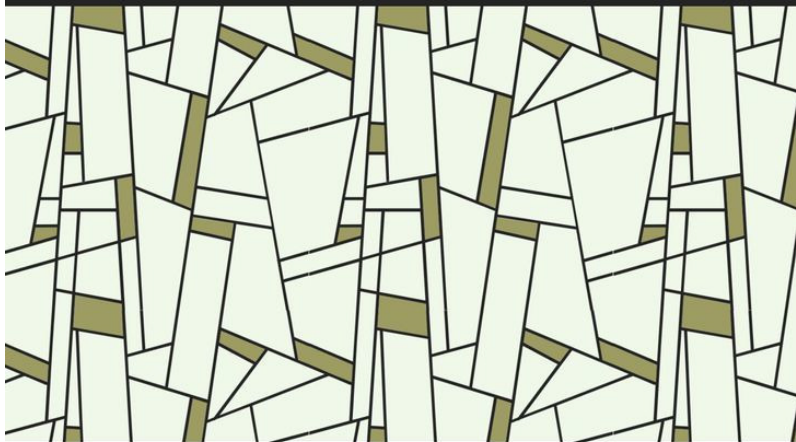

18+

Андрей Лянной

СЫНЫ АРДАЛИОНА

Креация тропы

Андрей Лянной

Сыны Ардалиона.

Креация тропы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63016631
ISBN 9785005168696*

Аннотация

Быть младшим сыном великого, но сумасшедшего мага оказывается не так уж и весело. А иметь десять братьев и сестер, которые старше тебя минимум на сотню лет и не испытывают к тебе никакой любви, даже опасно. Родион отчетливо почувствовал это на своей шкуре, провалившись в другой мир и став приемным сыном мага. Жестокий, чужой мир Майтали отобрал у него все. Превратил его в зверя, чтобы обрести возможность вернуться в свой мир и забыть об этом, как о кошмарном сне. Вот только не все так просто.

Содержание

СЫНЫ АРДАЛИОНА	5
КНИГА 1	6
Креация тропы	7
Глава I	8
Глава II	52
Глава III	81
Глава IV	115
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Сыны Ардалиона Креация тропы

Андрей Лянной

© Андрей Лянной, 2020

ISBN 978-5-0051-6869-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЫНЫ АРДАЛИОНА

КНИГА 1

Креация тропы

*Лишь трудом и борьбой
достигается самобытность и
чувство собственного достоинства.
Ф. М. Достоевский*

Глава I

Желтый умирающий автобус, скрипя остатками тормозов, подкатил к остановке и устало замер. Дернувшись, он словно, из последних сил приоткрыл свои ветхие двери и застыл окончательно.

Переполненное чрево этой развалины на колесах, тут же стремительно атаковала живая волна людей. С безумными глазами они врывались в изможденный советский раритет и, невзирая на мои протесты, теснили меня вглубь салона.

Я сопротивлялся изо всех сил, толкался, ругался. Но все было напрасно: люди безжалостно забивали меня вглубь салона, как загнутый гвоздь в доску. Уже почти сдавшись, я обреченно подумал, что придется выйти на следующей остановке. А потом идти, идти... до тех пор, пока не дойду до дома или не издохну от жары прямо на улице. И неизвестно что произойдет раньше.

Помощь пришла совершенно неожиданно. Огромный мужик за моей спиной, с пушистыми серебристыми усами на широком и добродушном лице, сжалился надо мною. Он протянул руку, уперся ей в мою спину и сильно надавил мне промеж лопаток, пихая меня к выходу. Люди, как колосья пшеницы стали раздвигаться передо мной и что-то гневно бормотать, о своевременности.

Кому-то наступили на ногу, кто-то закричал. Водитель

недовольно и требовательно затрещал в микрофон громкой связи. Явно сумасшедшая бабка в яркой одежде и с фиолетовыми волосами, изловчилась стукнуть меня сумкой по голове. Обозвала последними словами и отвернулась. А я продолжал скользить между людьми, как горячий нож в масле.

Из-за дикой жары, все «посетили» автобуса чувствовали себя так, будто находились в единственной и крайне переполненной городской бане. Конечно, им не нравилось что какой-то несознательный и нерасторопный гад (то бишь я) заставлял их прижиматься друг к другу еще сильнее.

Мужик, спасибо ему большое, допихал-таки меня до дверей и вытолкнул из переполненного автобуса. Я выкрикнул благодарность и как пробка вылетел из общественного транспорта, чуть не растянувшись на горячем асфальте. Мне в след донеслось еще несколько оскорблений, отчасти правдивых. Затем водитель закрыл, наконец, увечные двери. Получилось это не сразу, но когда они закрылись, автобус, судорожно дергаясь, обдал меня выхлопным газом и покатиł дальше.

На остановке стояло еще немало людей. Все, кто не влез в автобус или только что подошел, смотрели на меня сонными глазами и без всякого удивления. Кто-то даже позевывал. Я немного отдышался, и, обливаясь потом, усталο потопал домой.

Солнце нещадно пекло прямо в макушку, вызывая желание зайти в тень. Но, как назло, нигде этой тени не было.

Единственное, что оставалось, это просто ускорить шаг. Так и сделал.

В киоске, попавшемся мне по дороге, купил литровую бутылку минералки и, как заправский алкоголик разом ее ополовинил. Потом немного повилял по переулкам и вырулил к своему временному жилищу. Обычной серой хрущевке, с темным подъездом и лестничными пролетами, выкрашенными в извечный зеленый цвет. Бывает, конечно, и другой цвет краски в подъездах. Я об этом слышал, но извините, не видел. Да это, в общем-то, неважно. Главное, это то, что в подъездах всегда прохладней, чем на жаркой улице с раскаленным асфальтом.

Я вошел в подъезд, и меня окатило прохладным воздухом и каким-то запахом, примешивающимся к кислому кошачьему духу. Старухи кошатницы развели тут просто зоопарк, не обращая внимания на соседей. Впрочем, квартир, где жили НЕ старухи, было только три – в одной из них жила я, в другой – какой-то старикан. Ну, а в третьей ютилась молодая, но уже многодетная особа. И не сказать, что она была одинока.

У этой любвеобильной дамочки, нередко появляющейся с синяком под глазом, каждую неделю в квартире заводился новый сожитель. Потом скандал, крики и нередко милиция. Дальше круг уже замыкался, и все происходило заново, только хахаль менялся.

Нравилась ей такая жизнь, что ли? Но да бог с ними.

У каждой зверушки свои игрушки!

Двухкомнатная квартира, которую я снимал на пару со студентом музыкального училища, находилась на первом этаже. Я воткнул ключ в замок и повернул.

Саня – мой сосед – брэнчал посудой на кухне. Видимо, готовил себе завтрак.

– Привет, – крикнул я из прихожей и направился в свою комнату. – Ты на практику?

– Ага! Здорова, – ответил он. Его громкий певучий голос разнесся по всей квартире.

– Ясно, – крикнул я, раздеваясь. – Саня, воду включили?

– Неа.

Блин! Да когда же они все отремонтируют? Каждый месяц одна и та же фигня.

– Тогда я спать.

Саня вышел из кухни и заглянул ко мне в комнату. Его широкое рыжее лицо ухмыльнулось, и он произнес:

– А чего так? Не выспался что ли? Я сейчас яичницу приготавливаю, поедим.

Обессилено распластавшись на кровати, я махнул рукой и пробормотал:

– Спасибо, не хочу.

Саня, кивнул головой и ушел на кухню. Вот что мне в нем нравилось, он никогда никого не упрашивал. Нет, значит, нет! Можно не беспокоиться, что он меня потревожит.

Закрыв глаза и попытался отключиться. Фиг!

Сон, в отличие от обильного пота, не появлялся. Я долго ворочался, напрасно ища удобное положение. Из-за жары не удавалась ни уснуть, ни взбодриться. С радостью бы сходил в душ, но вода была отключена уже в четвертый день. Очередная авария на водозаборной станции погрузила весь немаленький район в пустыню. Год здесь живу, а все никак не привыкну.

От безысходности я вздыхал и терпеливо ждал сна. Вот только он задерживался по необъяснимым причинам. Даже несмотря на то, что ночью мне практически не удалось поспать.

Запахло яичницей, мой желудок забурчал, приветствуя его. Саня начал тихо петь. Вернее, это он думал, что поет тихо. А я застонал.

Через несколько минут запах жареной яичницы меня доконал в конец. Он витал по всей квартире и навязчиво проникал ко мне в комнату. И даже забирался ко мне под простыню, которой я прикрывался, не особо ослабевая. Вот же Саня гад какой! Мало того, что я слышу его надрывное пение в девять часов утра, так еще этот отвратительный запах жареных яиц, от которого у меня желудок сводит.

Нет, яичницу я, конечно, люблю, но не с утра же! А может у меня просто поганое настроение, из-за того что я не спал всю ночь? Я только лег и бодрствовать как минимум десять часов к ряду не собирался. Всю ночь праздновал с Ленкой свой отпуск в маленькой кафешке, где она мне и постави-

ла условие: либо живем вместе на отдельной квартире, либо ищи себе другую дуру.

Жить с ней мне не очень-то хотелось, поэтому я напился как свинья, пытаюсь уйти от этого разговора. Стоило только подумать об этом, как сразу же вспоминался фильм «Ирония судьбы». Помните, когда Евгений говорил, что не женится он не потому, что не хочет, а просто как представит, что у него перед глазами жена будет постоянно мелькать, так сразу желание пропадало. Вот у меня примерно то же самое было. Видимо, не созрел я пока на такие эксперименты. Впрочем, созрел, не созрел, все равно не открутился.

Ультиматум она поставила мне жесткий. Думаю, не стоит говорить какой, сами догадаетесь, чай, немаленькие.

– Так что, милый, – победно улыбнулась она, – с утра начинай искать нам уютную квартирку. Заживем!

– Угу, – прогудел я и залпом опрокинул рюмку горькой. – Заживем, – грустно повторил я за ней, бездарно пытаюсь изобразить на лице радость.

Заживем! Только я боялся, что буду плохо чувствовать эту замечательную жизнь. Сдавалось мне, что каблук меня мощно придавит. Так, что и не пискнешь иной раз.

А может и не так все будет. Хрен поймешь, этих женщин. Что у них в голове плавает?

Я плотнее укутался тонкой простыней (лето ведь) и с проклятием на устах в адрес соседа по съемной квартире попытался уснуть.

Но не тут-то было. На письменном столе истошно заорал телефон, требуя моего внимания. И ведь, как назло, заиграла самая противная мелодия. Я специально поставил ее на контакт Марата. Интересно, что ему надо?

Мы уже два года, как практически не общались. Окончили университет, и наши интересы перестали совпадать. Мы пару раз встречались выпить пиво всей нашей, тогдашней, компанией и все. Помимо того, что мне вообще было лень двигаться, так мне еще было совершенно неинтересно, зачем он мне звонит, еще и в такую рань. Впрочем, что-то мне подсказывает, что поспать уже не удастся. Саня – гад!

Чертыхаясь, я скинул с себя простыню, слез с кровати и чуть не подпрыгнул, когда наступил на что-то горячее и мохнатое.

– Ах! Чтоб тебя за ногу! – вскрикнул я и увидел на полу в солнечном луче свой одинокий тапок.

«А где второй? – по привычке мелькнула мысль. А за ней вторая, привычная мысль: – И зачем Ленка подарила мне эти тапки?» Дошел без тапок до стола и взял телефон.

– Але! – просипел я в трубку и выглянул в окно. Заметив закрытую форточку, я протянул руку и открыл ее. В комнату сразу ворвался шум улицы да птичий щебет, к сожалению, без ветерка.

Бросил жалостливый взгляд на улицу. Нет, жара не пропадает. Скорее усиливается. Вон как печет. И люди какие-то расплавленные сегодня. На лавке у подъезда сидело несколь-

ко бабок, рядом с ними стояла молодая мамаша с третьего этажа. Болтают, значит. В одной руке у нее пакет с торчащим из него бананом (вот фрукты с утра, это лучше чем яичница), в другой руке сонный пацан лет пяти. Ковыряет вноску и смотрит на окна первого этажа. А в окне я и запах жареных яиц...

– Родя привет! Не спишь? – знакомый голос тихо, но весело пробубнил в трубку. Точно, Марат. Чего он такой веселый?

– Привет. Уже нет, – недовольно буркнул я и спросил в свою очередь: – Чего веселый такой? Вроде рано еще...

Отойдя от окна и, ища глазами сигареты, задумчиво натянул шорты.

– Да... – Марат замолчал, обдумывая что-то. Потом в трубке что-то скрипнуло или щелкнуло и он, шмыгнув носом, быстро произнес: – Короче, так сразу и не скажешь. Давай пересечемся сегодня в «Пухлой Булке»... М-м-м... Часа, через два. Будешь свободен?

– Ну... Ты хоть мельком намекни. Что за дело такое? – мне как-то совсем не улыбалось сегодня идти в пивную. Планы! А если честно – просто, долгий сон.

– Путевку я выиграл... – как-то нехотя начал говорить Марат, но я его перебил.

– Как выиграл? – лениво зевнул я. – Куда?

– Да понимаешь, собрал десять крышек с золотой монеткой внутри, – нервно заговорил Марат. – Там у них акция

такая. А у нас в магазин, как раз привезли новую партию газировки. Ну и мы с ребятами, как обычно, начали разгружать машину. Я два кейса газировки взял, по ступенькам поднимался и как поскользнулся... Уф... Короче, все на меня списали. Сорок бутылок об асфальт! Прикинь? Ну, а крышки собрал и выиграл.

– Гонишь! – усмехнулся я и, найдя сигареты, зажал одну в зубах.

– Отвечаю, не гоню! – возмутился он. – Приезжай сегодня в «Булку» покажу.

Соображал я в тот момент туго. Мысли были вялые, липкие и какие-то не выразительные. Будто вспотели вместе с телом.

– Все, мне пора, – шепнул он в трубку и, не дождавшись моего очередного вопроса, отключился. А я так и остался стоять посреди комнаты с сигаретой в зубах. Потом хмыкнул и пошел на кухню посмотреть, чего там Саня приготовил. Вот с этого все и началось.

Мой приятель Марат, выиграл в одной молодежной акции двухнедельную путевку на Балеарские острова. Это где-то в Средиземном море, как мне сказали.

Я долго не мог поверить, что такое возможно. И даже, когда нас показывали по музыкальному каналу на всю Россию,

я все равно не верил. Но уже начинал сомневаться в том, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Марат буквально светился от удовольствия, рассказывая мне об этой акции. В условиях путевки значилось, что он может взять с собой восьмерых друзей от 20 до 30 лет. Больше информации из него выдавить не получалось. Он все время переводил разговор на прописные истины, вроде того что там море, солнце и песок. Когда мне надоело его слушать, я вышел из пивной покурить и обдумать ситуацию. Следом за мной вышел Алик и рассказал то, о чем Марат умолчал.

Со слов Алика, а не доверять ему у меня причин не было, Марат сначала не хотел брать меня с собой. Мол, характер у меня, видите ли, отвратительный! Потому он решил взять с собой Пашку, Алика и Макса. Еще он пригласил пять девушек, с которыми я не был знаком. Но когда познакомился, понял что их имена мне точно не запомнить. Одинаковые куклы с однотипным макияжем. Другого мнения о них у меня не было. Возможно, не успело сложиться? Разные прически и рост, это все что отличало их друг от друга. Так и вспоминаю только по волосам.

Одна с коротко стриженными волосами, пацанистая такая. Потом блондинка высокая, и блондинка низкая, брюнетка и рыжая. Полный набор, в общем.

В таком составе они бы и улетели, если бы не одно «но». Родители Макса были против его полета и встали в такую позу, что все уговоры и увещевания о безопасности поездки,

были, словно, горох об стену. Все мольбы, угрозы и красноречие их сына были бесполезны. Его и гулять-то отпускали только до восьми часов вечера, когда ему уже было двадцать лет! И вот тогда-то Марату в голову пришла очаровательная мысль: раз родители Макса не отпускают свое драгоценное чадо в путешествие, то можно взять в поездку меня. Он выставил эту идею, как изначальную. Что я, мол, его друг и обязательно должен лететь с ним. Повеселиться, блин! Если бы я знал что из этого выйдет...

Компания, разыгравшая эту путевку, предоставила нам специальный, очень комфортабельный, небольшой самолетик с очаровательной стюардессой и двумя пилотами в придачу.

Когда мы поднялись с аэродрома в небо, в Москве был полдень. Я уже думал, что мы никогда не улетим. Потому как предыдущие три дня мы пахали на эту компанию как рабы. Интервью, реклама, пресс-конференция и тому подобные вещи. Все эти дни я улыбался как проклятый. К концу третьего дня я скалился так, что у меня было видно все зубы и даже часть горла. Но жажда новизны взяла свое и мы, честно все отработав, взмыли в воздух. Одиннадцать человек в маленьком самолетике, в огромном и необъятном небе.

Ах, что это были бы за минуты, если бы я не взглянул в иллюминатор! Не то что бы я боялся летать, просто я это делал впервые. Как, впрочем, и остальные. Все мы выглядели так, словно, только что узнали, что люди умеют дышать.

Очень осторожно и недоверчиво, с круглыми глазами и сжатыми кулаками, пытались этому научиться. В конце концов, я спросил у Сони (так звали стюардессу), можно ли закрыть все иллюминаторы и, получив положительный ответ, мы их прикрыли шторками. Все девять человек вздохнули с облегчением. А Соня ушла, то ли развлекать беседой пилотов, то ли спать. В общем, нам она не мешала, и мы решили начать наше развлечение прямо в небе. Пиво и вино полились рекой.

Тот момент, когда мы принялись развлекаться на борту самолета, помутнел в моей памяти, разбившись на перемешанные осколки. Хотя вряд ли это было оригинально. Помню лишь то, что в какой-то момент мне стало плохо, из-за чего я ушел в туалет.

В этой узенькой кабинке я набрал воды в раковину и окунул голову в холодную воду, не забыв смочить и затылок. Некоторое время я стоял и дрожал от холода всем телом, чувствуя при этом, что нормальное состояние нехотя возвращается ко мне. Правда, вместе с ознобом.

Вскоре я спустил воду, насухо вытер голову бумажным полотенцем и вышел почти ровным шагом из кабинки. Не обращая внимание на пьяные выкрики гуляк, я стал пробираться к своему креслу, но остановился. Мой взгляд неожиданно зацепил в другом углу, стюардессу Соню. Она тихо сидела и что-то пила из своей кружки. Чтобы не присоединиться к компании друзей – пить с ними мне уже был неинтересно,

я решил подсесть к ней.

– Привет. Что пьешь? – сипло осведомился я, пытаюсь привлечь ее внимание. Не получилось. Она с каким-то немым удивлением смотрела на пьющую компанию.

После обильного возлияния алкоголя, да только что принятого маленького душа, горло совсем село. Хотя, это могло произойти из-за того, что я наверняка орал в порыве веселья вместе с ребятами. Как сейчас орал Марат пьяным, но очень воодушевленным голосом! Или, как одна из девушек, визгливо излагаясь слогами, спорила с ним.

Я повторил вопрос громче и Соня, наконец-то, заметила меня.

– Да, так, – махнула она, задорно улыбаясь. – Кофе, чтоб не уснуть, – почти прокричала она и весело рассмеялась.

– Ну да, чтобы тут уснуть, надо иметь железные нервы или не иметь слуха, – крикнул я в ответ. А сам подумал, что лучше бы иметь такие нервы, быть глухим и слепым, только бы не видеть, как Марат силится изобразить героическое лицо и орет, тыкая себя пальцем в лоб:

– Я..! Я..! Все я...

И только я хотел продолжить беседу. Даже открыл рот, чтобы задать вопрос, как нас со страшной силой тряхнуло.

Всё и все полетели на пол. Повезло лишь тем, кто уже лежал на полу. Хотя то ещё везение, когда на тебя падают люди со стаканами в руках. Лично я летел в сторону своего кресла. За мной и на меня летела Соня, а рядом горячее кофе или

что там у неё было?

Сначала я ударился и спинку кресла головой, потом спиной и пятками, следом на меня упала Соня и чуть не оглушила меня ударом плеча. Но обошлось. Боковым зрением я успел заметить, как целая куча ног и рук, состоящая из моих друзей, врезалась в диван стоящий у стенки. Кто-то взвизгнул. А когда я услышал, что самолет начал сильно гудеть, его вдруг сильно накренило влево. Мы тоже ринулись туда, но на этот раз я приземлился не очень удачно. Попытался придержать рукой Соню, чтобы не упасть на нее, и потому рассек себе бок об острый угол деревянного столика, прибитого к полу. Однако Соня, хоть и воткнулась прямо в кресло, в котором сидела, сильно ударилась затылком о стенку самолета и, похоже, потеряла сознание.

Самолет летел с сильным креном на левое крыло, гудел и трясся. Я лежал на правом боку, чувствуя, как он становится мокрым. И даже глядеть на него не хотелось.

Понимая что стряслось что-то очень нехорошее, заставил себя забыть о боли и попытался сесть. Ухватившись одной рукой за этот злосчастный столик, я привстал на колени и осмотрелся. Никто не шевелился. Я немного привстал еще, самолет не выравнивался, а лишь истошно гудел. Чтобы встать и удержаться, мне пришлось второй рукой взяться за кресло, в котором лежала без чувств Соня. Приглядевшись, я увидел, что у нее из головы идет кровь. Осторожно приподнял ее голову, посмотрел на рану и вздохнул с об-

легчением: небольшая царапина, надеюсь задеты только мягкие ткани. Хотя я не доктор и ничего определенного сказать не мог. Так, вспомнил уроки «ОБЖ».

Но если самолет снова накренится, в следующий раз может и глаз выбить и висок пробить. Да мало ли чего могло произойти... Поэтому я немного поправил ее положение и пристегнул ремнями безопасности к сиденью. Потом повернулся к остальным. Они также молча были разбросаны по стенке самолета. И только я двинулся к ним, как самолет страшно заскрипел, затрясся и резко выровнялся. Я полетел на пол, но в последний момент сгруппировался и врезался в мягкий диван вдоль правой стороны, удачно миновав столик.

На этот раз я не стал разлеживаться, а воспользовавшись моментом, пока самолет летит ровно, хотя и ощущался наклон вперед, рванул в кабину к пилотам. Отодвинув дверную панель, я узрел такой ужас, что даже сейчас вспоминать жутко. Первое что я увидел, это черное море за окном и, кажется, самые страшные сумерки в моей жизни. Потом я увидел пилотов, отчаянно сражающихся со штурвалом и, держась всем, чем можно за косяк двери, крикнул:

– Что произошло? Где мы?

Они меня не услышали, проворно переключая какие-то тумблеры. Я дернул второго пилота за плечо. Он резко обернулся ко мне напряженным лицом и на одном дыхании крикнул:

– Скажи Соне, что у нас авария. Садимся на воду. Пусть достает спасательные жилеты и все что надо. Быстро! Мало времени!

Я побежал обратно. Свет то конвульсивно мигал, то гас совсем. Самолет болтало и трясло и меня вместе с ним, но я добрался до Сони и принялся приводить ее в чувство. Она очнулась быстро, а я также быстро выпалил все, что сказал пилот.

– Диваны раздвижные. Там найдешь жилеты и одевай на них. Я за плотами. – Выпалила она и убежала в хвостовую часть самолета.

Я подбежал к диванам и с радостью заметил, что ребята стали приходить в себя. Отлично, наденут сами. Так быстрее, чем одевать спасжилеты на бесчувственные тела.

Выдвинув у дивана низ, я стал вышвыривать оттуда жилеты и одновременно кричал Алику, который сидел на полу и с окаменевшим лицом смотрел на меня:

– Алик, быстро одевай! Время не терпит! – и кинул ему на колени ярко-оранжевый жилет.

Из первого дивана я достал пять жилетов и тут же ринулся к другому дивану.

«Еще шесть. Всем хватит, даже с запасом, – подумал я».

Достав все, я обернулся и не смог не усмехнуться даже в такой ситуации. Смешная, кряхтящая масса, сидя на полу, молча, с каким-то тупым безразличием, натягивала на себя спасательные штуки.

Нагнувшись, взял такую же штуку и стал надевать на себя. Но тут все мое тело пронзила острая боль. Совсем забыл про свой бок.

Отложив жилет, я взглянул на рубашку. Точно то, что я и думал: вся правая сторона рубахи была в крови и ее порванные края уже присохли к коже. Я уже хотел было посмотреть подробней, но тут самолет вновь тряхнуло, поэтому пришлось оставить осмотр на потом.

Вбежала Соня с двумя большими свертками, положила их на пол и взяла жилет, который я ей протянул. Натренировано быстро его надела и побежала в пилотскую кабину. Я же, кое-как преодолевая боль, натянул на себя этот чертов жилет. Проверил, на месте ли нож, который я стараюсь всегда носить с собой. Его почти не видно, если не приглядываться; он крепко пристегнут в горизонтальном положении к ремню со спины.

«Ну, вот мы и одеты подходящим образом, – подумал я. – Дальше что?»

Дальше я решил сесть на пол и крепко во что-нибудь вцепиться. Так и сделал. Ребята, глядя на меня, проделали то же самое. И тут мне отчаянно захотелось проснуться, сбежать отсюда. Мной овладел страх, всепоглощающий страх. Страх, сильнее которого, я никогда не испытывал. Я будто бы только проснулся, и разом осознал свою смертность. До этого момента я вообще о смерти не думал. Не думал, что наша жизнь, где бы мы и кем ни были, весит на тонком волоске.

В салон вбежала Соня, велела всем сесть на кресла и пристегнуться. В ее глазах стоял ужас и немой вопрос, донимавший и нас тоже: что же будет?

– Мы очень низко к воде. Они стараются выровнять самолет, но... – она не успела договорить, как самолет со страшной силой обо что-то ударился. Всех швырнуло вперед. Ремни врезались в тело и чуть не сломали кости. Кресла еле-еле выдержали, но заскрипели и начали гнуться. Свет потух, и я услышал душераздирающие крики и гром гнущегося корпуса самолета. Все! Смерть! Смерть, которая всегда где-то там, теперь – здесь.

Адреналин протоптал дорожку к моему сердцу.

– Надо открыть люк, – хрипло закричал я, отстегивая в темноте ремни. Откуда мне пришла такая мысль в голову я не понимаю и поныне. Однако именно она, возможно, и спасла мне тогда жизнь. – Открыть люк пока не поздно! Отстегивайте ремни, быстро!

Я выхватил фонарик из кармашка в жилете, включил и принялся справляться с непослушными ремнями. Но пряжки погнулись и не хотели открываться. Я выхватил нож и полоснул им по ремням, благо нож был острый. У остальных были те же проблемы. И они с фонарями в руках, кто додумался их включить, дергали пряжки.

Добравшись до Сони, разрезал ее ремни и крикнул, чтобы она немедленно открывала люк, иначе толща воды не позволит нам это сделать. Она кинулась к люку и стала сражаться

с ручкой. Я тем временем разрезал ремни у остальных. Справился с этим быстро и подбежал к Соне на помощь. Алик и Марат сразу же нашли на полу скрученные плоты и подбежали на помощь нам.

Что-то или кто-то подгонял нас и не давал тормозить.

– На полу уже вода! – крикнул Алик и направил луч фонаря на пол. – Видно, из кабины, или может еще откуда?

– Надо навалиться на дверь всем вместе! – прокричала одна из девушек, срываясь на истерический крик.

Так мы и сделали. А что еще оставалось? Мы давили на дверь всем своим весом, и она понемногу начала поддаваться.

Через проем хлестнула холодная вода и быстро начала заполнять собой солон и другие помещения. Мы надавили на дверь еще, когда воды было уже по пояс, но струя слишком сильно била и нас отбрасывало назад. Наконец вода стала подступать уже к горлу, когда нам удалось преодолеть сопротивление и полностью открыть дверь. Хорошо, что дверь не до самого потолка, а то нам бы пришлось худо. Воздух остался только под потолком, от силы полметра, да и его надолго не хватит, если самолет быстро пойдет ко дну. Учитывая его вес, ждать этого пришлось бы не долго.

Мы набрали полную грудь воздуха и все вместе выскользнули в непроглядную тьму. Не могу точно определить, глубоко ли мы были, но жилеты быстро тянули нас кверху. Я уже готов был наглотаться воды, как меня с бульканьем вытя-

нуло на поверхность, рядом булькали и жадно хватали ртом воздух, остальные.

Прошло некоторое время, пока мы осмотрелись – все ли здесь.

«Все, или нет? Надо посчитать, – подумал я, но мне никак не удавалось сосредоточиться».

Рядом со мной проплыло какое-то полено, и я обхватил его рукой. Но я ошибся в темноте. Это был свернутый надувной плот. Я дернул за шнурок, как показывали перед полетом, и «полено» зашипело, быстро надуваясь. Поблизости послышался такой же звук.

Нас сносило течением. Через какое-то время мы наконец-то залезли в них. Поначалу это долго не удавалось: уставшие руки плохо слушались да к тому же мешали толстые жилеты. Соня связала оба плотика какой-то веревкой и посчитала нас.

Да, нас было десять человек. Пилотов с нами не было. Мы кричали, вглядывались в водную гладь, но все в пустую. Кто-то истерично рыдал, но, думаю, большинство отрешенно куда-то смотрело.

Солнце поднималось над горизонтом, а мы все плыли и плыли, и негде нам было пришвартоваться, ибо не было даже намека на землю. В такие минуты понимаешь, как это

прекрасно, когда твои ноги стоят на упругой почве. Совсем другое чувство, когда смотришь в воду и не видишь дна. Глазу не за что зацепиться, поэтому ощущаешь себя в подвешенном состоянии.

Так мы плыли туда, куда нас несло течением. А куда, никто не знал. В молчании мы пеклись на солнце, в резиновых плотах среди моря и самое главное всех мучила жажда. Одни ревели, другие их успокаивали, потом они менялись ролями и все повторялось. Первым не выдержал Пашка. Он сел на колени и стал вглядываться вдаль вокруг себя. Ничего кроме воды и безоблачного неба там не было.

– Стюардесса! – крикнул Пашка со своего плота на наш. – У тебя есть телефон? Нет? А компас? Тоже нет?

Соня только слегка мотала головой, видно удар по затылку не прошел бесследно.

Я привстал на колени, облизал засохшие губы и крикнул, чтобы он не распускался, а лучше посмотрел у себя в карманах, может, что и найдет полезное.

И он, следуя моему совету, остервенело начал шарить по своим джинсам.

– Давайте все вместе посмотрим у себя в карманах, – предложил я и для примера вывернул левый карман джинсов наружу. Из него на дно резинового плота высыпалось несколько монет, газовая зажигалка, пара мятых купюр мелкого достоинства, металлическая пивная крышка и еще табачная пыль. Затем осторожно похлопал левой рукой по правому

карману и там что-то брякнуло. Правая рука плохо слушалась из-за ушибленного бока, и я кое-как приподнял плечо, засунул руку в карман и вытащил на свет все его содержимое. Н-да. Не густо! Две пивные крышки, влажный носовой платок, листок размякшей бумаги, исписанный моим почерком и огрызок простого карандаша. Все это я положил у ног и стал рассматривать, что другие вытаскивают или уже вытащили из своих карманов.

В основном такие же мелочи были и у остальных. У Алика в глубоких карманах спортивных штанов была только мокрая насквозь полупустая пачка сигарет. Пашка уже вытащил из кармана сотовый телефон и безуспешно пытался его включить. Марат достал упаковку таблеток, три пластыря, жвачку и какие-то ключи. Трое из пяти девушек достали телефоны, но те потеряли всю свою необходимость, когда перестали работать. Еще у двоих вообще ничего не было, и они очень расстроились. У Сони не было карманов.

Все вроде бы были заняты делом. Рылись в карманах или пристально разглядывали то, что достали другие. И делали это так, будто это было самым важным занятием в их жизни. Сознание заставляло обратиться к знакомым вещам и не смотреть на пустой горизонт, в бездонное небо и такое же море.

Я тоже не мог смотреть. Не хотел.

Запихал обратно то, что достал из карманов, закрыл глаза и откинулся на спину. Хотелось вытянуть ноги, да некуда.

Хотелось, чтобы тупая боль в боку прошла, да не проходила. Хотелось пить, но, увы, на наших ковчеггах была полная засуха. Единственный способ напиться холодной, оживляющей, целебной воды это уснуть и видеть во сне пруд с кристально чистой водой. А у берега толстых чаек, бурно ведущих споры...

Люблю я в полдень воспаленный.
Прохладу черпать из ручья.
И в роще тихой, отдаленной.
Смотреть, как плещет в брег струя...
(А. С. Пушкин)

Я пытался подойти к пруду, но чайки не подпускали меня и кричали все громче и громче. И они вроде бы уже не чайки, а разлагающиеся и наглые вороны. С них ключьями слезали перья, глаза лопались и вытекали из глазниц...

«Сны, – подумал я, просыпаясь, – бывают страшно дурацкими».

Выпрямившись, насколько это возможно на своем маленьком участке плота, я растерянно оглянулся в поисках тех милых птичек. Мазнул по темнеющему горизонту прищуренными глазами и охнул.

Боль в боку не заставила себя ждать и сразу отозвалась на мои резкие движения. Черт бы ее побрал! Все время вы-

скальзывала из головы мысль внимательно посмотреть, что там у меня. Но это потом, потому что у меня появилась замечательная мысль. Самая светлая на тот момент.

Я действительно увидел в свете заходящего солнца несколько довольно больших птиц. Наверное, размером с курицу.

Где-то метрах в двадцати, а может и во всех ста от нас они кружились над водой, издавая хриплые звуки. Когда одна из них вдруг резко пикировала и выхватывала клювом из воды зазевавшуюся рыбу, ее подруги, ничуть не стесняясь, пытались отобрать добычу. И все они без конца шумели.

– Эй! Смотрите – птицы! – привлек я всеобщее внимание, показывая пальцем на чаек. Все разом повернули головы или сами старались развернуться, да так оживленно, что некоторые чуть не попадали в воду.

– Точно птицы, – будто прозрел Пашка. – Это же значит, что где-то рядом есть земля. Ура! Мы спасены. А-то я уже думал...

Его перебили свистом и настоящими криками радости.

– Но где? – спросил кто-то с другого плота.

– Мы никакой земли не видим, – заявили обе блондинки с их рыжей подружкой и, как по команде, завертели головами в поисках заветного.

– Ну, вообще-то, чайки, если это конечно они, далеко от берега обычно не забираются. Так что, я пока не знаю...

– Смотрите! – заорал Алик и ткнул пальцем в горизонт. –

Вон там. Что это?

Все разом повернулись и уставились на большое, раскаленное докрасна солнце и замерли. Звезда, морившая нас на протяжении всего дня, не просто опускалась в море, а как бы заходила за какую-то дымку. Возможно, там был остров, а может быть, мы все вместе галлюцинировали наяву?

– Гребем туда, – заревел я, отбрасывая сомнения прочь. В нашем положении было бы глупо привередничать.

– Гребем! – подхватили все охваченные моим энтузиазмом.

Мы опустили руки в воду и заработали ими как никогда в жизни. Думать будем потом, а сейчас плывем.

Ночь опережала нас, укутывая мир в темноту, а мы все пытались добраться до земли. Руки и плечи ломило от усталости, а пальцы превратились в вареные сардельки. Но все понимали, что останавливаться нельзя, дабы не потерять из виду, итак еле заметный берег.

В быстро сгущающейся темноте очень трудно ориентироваться, да к тому же на море и в неустойчивых плотах. В прочем, это все же лучше чем надеяться на плавучесть собственного тела. Хотя отсутствие опыта в подобных делах все-таки сыграло свое черное дело.

Нас почему-то упорно тянуло влево. Или мне это лишь

казалось?

Я только хотел спросить у других на счет этого, как нас буквально шлепнуло и чуть не размазало об какие-то камни. Все с криком попадали в воду, плоты перевернулись.

Инстинкт сработал молниеносно и руки сами заработали, вынося тело из воды. Однако каково было мое удивление, когда я понял, что не плыву с глубины на поверхность, а сижу на дне и вода мне лишь по плечи. Хотя и норовила волнами захлестнуть меня полностью.

Отплевываясь горько-соленой водой и упираясь руками в дно, я поднялся на ноги. Вот оно: море по колено, океан по пояс!

Пока остальные поднимались, кто-то уже пытался залезть обратно на плот. В темноте, да еще сражаясь с волнами это было весьма не просто. Хоть бы луна была, а то тучи налетели и теперь, как потолок нависли над головами. Ситуация такая, что врагу не позавидуешь. Не понятно где, как, что и, разумеется, куда? Темнота стояла полная. Хорошо, что еще дождя не было!

В плоты лезть не хотелось, хотя Пашка уже сидел в одном и кричал остальным, чтобы все прыгали в них и плыли дальше. А куда интересно? Я решил, что пройти тут можно и пешком, раз здесь такая невеликая глубина.

Осторожно ступая ногами по дну, с вытянутыми вперед руками, пошел, как мне казалось, в правильном направлении. Кто-то так же решил идти пешком. Вот так и перлись,

не зная куда.

Так уж получилось, что я шел первым. И почему-то никто не собирался оспаривать мое право идти таким вожаком. Я бы с радостью уступил кому-нибудь свое место первопроходца и шел бы за чьей-нибудь спиной по проторенной дорожке. Но что-то никто не горел желанием сменить меня в этом ответственном деле.

Двигаясь буквально на ощупь, я пытался обойти камень (или это скала какая-то?), дабы хоть что-то увидеть перед собой. За прямоходящими, булькали на плотах остальные. За мной шагали человека два или три, может больше. Не разобрать в темноте.

Левой рукой упирался в шершавый камень, правой водил перед собой, как фокусник: туда-сюда, туда-сюда. Вот только ничего из этого не происходило. Никакого чуда не появлялось.

Через некоторое время на небе начало проясняться, благодаря чему становилось видно, что мы идем в правильную сторону. Перед нами появилась полоса берега, до которой оставалось совсем недолго.

Резвый ветер, носящийся в небе как бесплотный дух над землей, развеял тучи, будто протерев запотевшее окно. И вот, с бархатистого неба на нас уже глядела яркая золотистая луна.

Наконец-то! Это мы все вздыхаем и озираемся по сторонам.

Да, удачно нас забросило на этот сточившийся прибоем останец, все-таки скалы. Потому как слева за ней открывалась уже настоящая прибрежная скала в форме буквы V, только не такая раскидистая. И высотой примерно с десятиэтажный дом. Там бы нас раздавило как улиток под колесами большегрузных машин. Жуть, как страшно. И звук разбивающихся, пусть и не сильных, волн о скалу, тоже не придает храбрости.

Мы оторвались от камня и уже прямо направились к берегу. Я почему-то перестал идти на ощупь и тут же пожалел об этом. Доверился зрению.

– Ах ты, черт! – вскрикнул я, припадая на одно колено. – Тут полно подводных камней. Так что осторожней. Смотрите куда ступаете!

Надо же, как интересно! Стоит начать видеть и сразу, куда-нибудь, вляпаешься. Вот как привыкли пользоваться глазами.

– Можно с плотов-то слезать уже? – крикнул Марат.

– Давно пора, – беззлобно ответила, шедшая прямо за мной, Соня. – А то порвете их еще.

«Это она шутит по поводу порчи имущества или на самом деле так считает? – задался я вопросом, осторожно шагая к берегу».

Море, мягко волнуясь, мерцало, отражая в себе надкусанную луну и рассеянные по небу звёзды.

Что-то хрустнуло под ногой, и я сделал первый шаг на су-

шу.

– Блин, а где песок? – как-то обиженно и удивленно спросил Алик, осматриваясь вокруг. – Одни гальки, нафиг.

– Да какая разница? – я устало сел, даже скорее упал на камешки. – Главное, что не вода, чтоб ее!

Хотя от глоточка пресной воды я бы уж точно ни за что не отказался. Устало размышлял о том, что не плохо бы попить, найти людей, позвонить... Лег на голыши, прямо там же, где и сел – метрах в четырех от воды, – и незаметно отключился.

Проснулся я от дикой жажды. Во рту было все, словно чужое, даже слюны не осталось. Сухо, как в библиотеке.

Глаза открывал с трудом, однако, разлепив их, тут же закрыл. Солнце. Чуть не ослеп от такого яркого солнца.

Кое-как принял сидячее положение и, прищурившись, разглядел по разным сторонам от меня собратьев по несчастью. Кто где упал тот там и уснул. Раскиданы по всему берегу. Что за безобразие? Никакого порядка, вся композиция нарушена. Сдавленно посмеялся про себя. Хотя какой уж тут смех!

Подвигавшись в разные стороны, как на зарядке в школе, только сидя на камнях не понятно где, попытался размяться. Куда уж там. Все тело затекло, даже скрипело, будто пло-

хо смазанные петли ворот. Бок опять начал болеть, постанывать, но уже не так как вчера – просто тупая ноющая боль.

– Вот зараза! Мать ее... – прошипел я, отделяя порванные края рубашки от кожи. Впрочем, оказалось все не так уж и плохо, как мне думалось поначалу. На самом деле, довольно большая ссадина размером с ладонь. Рубашка порвалась, а кожа нет. Хорошо, что не наоборот, а то зачем мне тогда рубашка?

Ребра трогал осторожно, будто вслушиваясь в себя. Вроде все целы и на месте. Ну, все, медосмотр закончен, хотя промыть бы маленькие ранки на ссадине не помешало. Но для этого необходима пресная вода.

Пока я сидел и рассматривал свои ребра, кто-то явно пришел в себя и восторженно матерился. Повернувшись чуть вправо и за спину, откуда слышался такой экспромт, я удивленно поднял брови.

– Не знал, что ты так умеешь! – честно прохрипел я, глядя, как Марат держит голову руками и некультурно выражается. Хотя, наверное, все мы так умеем? Особенно, когда есть повод.

Тут в мое поле зрения попали и остальные очнувшиеся. Кто кашлял, кто хрипло признавался в желании испить чистой, свежей, холодной, до ломоты зубов, вкусной, прозрачной и главное, пресной воды.

Не поспоришь, чем проще желание, тем больше желающих.

С трудом встал на ноги и уже с высоты, хотя бы своего роста, попытался рассмотреть место, где мы заночевали.

М-да. Камни, скалы, да вода. Примерно десять метров ширина берега. А дальше, какие-то здоровенные валуны, в два-три человеческих роста, а то и больше. За ними, вроде, как пальмы, вернее, их верхушки. И так по всей протяженности берега, насколько хватает глаз. Солнце жарит с высоты, вытапливая из тела последние капли жидкости, а рядом мягко шумит море и, понимая, что для питья она не пригодна, моя жажда становится еще сильнее.

Вскоре с ней будет трудно справляться, и пока оставались силы, нужно было отсюда уходить. Искать воду, людей. Но сначала надо было осмотреться.

«Ладно, – размышлял я. – Попробуем пойти по берегу. Не ползти же по этим каменюкам. Хотя посмотреть на них ближе не помешает».

Проходя мимо Марата, понуро упершегося взглядом в носки своих ботинок, сказал ему, что надо бы посмотреть, как пройти вглубь побережья. Может, где поблизости есть источник воды.

Марат отрешенно поднял на меня глаза, затем повернулся к камням.

– Да? И как ты туда собираешься пробраться? – отстраненно глядя на преграду, спросил он. – Что, перепрыгнешь? – и уже немного осмысленно предложил выход: – Предлагаю остаться здесь. Скоро нас найдут.

Не хотелось говорить приятелю, что нас могут и не найти вовсе. Всякое бывает!

– Пока нас найдут, мы тут можем сдохнуть от жажды, – спокойно ответил я и показал рукой на верхушки пальм. – Раз там растут какие-то пальмы или что там, то наверняка есть и вода. Тем более, зачем туда всем-то тащиться? Вдвоем сходим.

– Иди один или с кем-нибудь другим, – закрывая глаза, пробубнил Марат. Потом открыл их со свойственной ему ленцой и, видя мой недоуменный взгляд, снизошел до объяснений: – У меня ужасно болит голова.

Он смотрел на меня так, будто это я был виноват в падении самолета.

– Да оставь ты его! – немного прихрамывая, ко мне подошел Алик, явно услышавший наш разговор. – Я с тобой пойду, Родя. А-то этот сейчас неделю ломаться будет. – Алик беззлобно посмотрел на Марата, и уже ни к кому не обращаясь, проговорил: – Мля, как же я пить хочу!

Залезть наверх этих скалистых остатков, было легче, чем мы думали, учитывая огромное количество трещин в породе и небольшую высоту, приблизительно метров в шесть. Но оттуда, кроме верхушек пальм и других деревьев, мы ничего не увидели.

Слева от нас, примерно в пятидесяти метрах, торчала каменная V, выдающаяся в море. Взобраться на нее мы решили даже не стовариваясь. Хоть и зашли почти пешком на ее вершину, настолько пологая она была с нашего боку, а все равно запыхались. Да и жажда все время о себе напоминала и с каждой минутой делала это все настойчивей.

Ноги дрожали, и мы сидя отдыхали, прислонившись спиной к самой верхушке. Так что ничего не видели и вниз не смотрели. А вот то, что мы увидели, встав на ноги, вызвало у нас одновременно шок и полу идиотские улыбки на наших не идиотских лицах.

– Ну? Что там? – нетерпеливо крикнули снизу сразу несколько человек. Я нехотя оглянулся и понял, что пока мы лезли на скалу весь народ... Э-э-э... все восемь человек собралось внизу в кучу и ждут от нас вразумительных ответов.

– Точно не знаю, – крикнул я им. – Но кажется какие-то джунгли... в кратере!

– Да, это явно, какой-то потухший вулкан... – принялся громко объяснять Алик, не отрываясь от созерцания открывшегося нам вида.

Из кучки стоявшей внизу послышался голос Пашки.

– А что видно-то? – прокричал он. – Пофиг на вулкан. Людей видно?

Алик повернулся и ответил:

– Нет, людей не видно. Но там, в середине озеро какое-то. И вообще красота! – возбужденно крикнул он тем, кто внизу.

С последними его словами все, кто стоял снизу, через некоторое время уже остолбенело глядели на открывшийся им вид с этой скалы, так что нам пришлось потесниться. А поглядеть было на что!

Огромный, хоть и не глубокий, кратер потухшего вулкана с озером в центре. Все тонет в зелени и лишь кое-где проглядывают каменные выступы давно успокоившейся лавы.

С нашей стороны стенки вулкана источила эрозия или они сами обвалились. Зато, на противоположной стороне жерла древнего вулкана, высокие и, кажется, не преступные скалы. И главное, было не понятно, остров это или очень вытянутый полуостров. Хотя я склонялся все-таки к тому мнению, что это остров. Ну не видал я таких узких и длинных полуостровов.

Налево от кратера, метров сто до песчаного берега, ласково обмываемого теплым, но неизвестным морем. Правда, вид дикого пляжа портят растущие прямо из песка острые камни. А вот справа самой границы кратера практически не видно – совсем разрушены стены. И берег даже ближе. Сколько до него от озера не понятно, но точно меньше чем слева. Вот если бы нас там к берегу прибило, думаю, мы бы уже пили воду или нашли людей. Место там открывается красивое.

Кстати о людях. Могут ли они тут быть? И вообще, пора было выяснить, где мы.

– Соня, а ты не знаешь, где примерно мы летели, когда

самолет начал падать? – Спокойно спросил я у нее. И доверительно наклоняясь ближе, уже шепотом добавил: – А-то, ведь непонятно где мы! И тем более не ясно, есть ли тут люди?

– Ну... – начала припоминать Соня. – Я точно не скажу, но помню, что мы пролетели над Грецией. – Она вновь задумалась и, массируя указательным пальцем висок, уже решительно кивнула: – Да! Точно помню, как капитан странно пошутил, что мы в темноте можем снести голову Колоссу Родосскому... Затем я ушла к вам и примерно через полчаса, может меньше, случилась авария.

– То есть ты хочешь сказать, что мы где-то в средиземном море и возможно на землях Греции. Я правильно мыслю?

Соня немного неуверенно кивнула.

– Видимо, так! – смущенно улыбнулась она. – И уж чего-чего, а людей здесь много. Я была в Греции не раз.

«Тогда получалось, если Соня права, то опасаться было действительно нечего. Людей на побережье Средиземного моря много, корабли ходят, самолеты летают...» Тут мои мысли перебила пацанка и предложила спуститься к озеру и попить воды.

Мы все вместе посмотрели вниз на берег, откуда забрались.

– И, как это сделать? – один за всех спросил Пашка. – Сразу по этой скале спускаться до земли, или сначала до камней и уже потом на землю?

– Ты что ли скалолаз? – нервно усмехнулась рыжая. – Я лично нет! Забраться сюда смогла, но спустится, вряд ли получится.

– Получится! Я тебя скину, – ехидно засмеялся Пашка, подтрунивая над рыжей. – А потом мы тебя съедим. Или продадим туземцам.

– Не смешно! – произнесла девушка дрожащими губами.

Пока Пашка старательно изображал из себя сумасшедшего людоеда, я искал выход из сложившейся ситуации. Это же, какими надо быть идиотами, чтобы не подумать о том, как мы будем спускаться обратно. Спуститься с этой скалы без специального снаряжения, наверное, раз в десять сложнее, чем подняться сюда.

Я ругал себя за опрометчивость и одновременно обводил взглядом площадку, на которой мы стояли. Небольшое плато, почти правильной круглой формы, метров пять в диаметре. С одного уступа имелся бордюр где-то в метр высотой, окаймляющий половину плато. В одном месте в нем выбитым зубом зиял пролом. Очень удобно смотреть на потухший вулкан...

«Стоп! – одернул я себя. – Так не бывает!»

Только сейчас при внимательном рассмотрении, я заметил, что это плато выглядит как-то неестественно. Слишком прямая верхушка у этой скалы, да и бордюр чересчур ровный. Как будто балкон получается. Это явно дело рук человеческих. Может кто-то сделал здесь смотровую башню? На-

блюдать за... За кем? Или, за чем?

Не обращая внимания на разрастающийся спор среди ребят, я решил пройти по краю площадки и почти сразу наткнулся на выдолбленные в камне небольшие ступени. Они находились на левом боку скалы и вели снизу, как раз, к пролому в бордюре (или можно сказать, что это парапет?). Я лег на живот и высунул голову в пролом. Вот почему мы их не увидели сразу, ступеньки заканчивались в полуметре от самой площадки. А вот куда они ведут отсюда, было пока не ясно.

Долго не мудрствуя, я перелез через дыру в бордюре и попробовал ступеньки на прочность, не забывая при этом держаться руками за уступ. Сначала поставил одну ногу и надавил со всей силы на ступеньку. Держит! Сосредоточенно улыбаясь про себя, добавил второю ногу к первой. Опять держит! Тогда я перенес весь вес на ноги, продолжая держаться руками. Не падаю! Весьма хорошо! Наконец полностью отпустил руки и похлопал себя по плечу за отличную работу.

Повернувшись в сторону ребят, увидел, как одни все еще спорили о том, как спускаться, а другие, облокотившись на бордюр, просто смотрели на кратер и манящее озеро внизу.

С моря дул легкий ветерок, принося к моим ноздрям пряный аромат. На меня никто не обращал внимания. Похоже, что вообще никто не заметил моих экспериментов.

«Ничего, – подумал я, решаясь спускаться по ступеням вниз, – потом их обрадую».

Было немного страшновато, но я справлялся.

«Главное, не смотреть вниз! – говорил я себе, и тут же бросал туда невольный взгляд».

Чтоб тебя! Пальмы шевелились, подталкиваемые ветерком и изредка между ними виднелись раскидистые кусты и камни, выросшие из почвы. Острые, наверное? Если приглядеться, то можно увидеть насколько...

«Э-э-э, – одернул я себя, – нечего там смотреть. Все равно не увидишь! И что вообще за глупые мысли? Так и свергнуться недолго. Смотри лучше, куда ступаешь ногами. Ступеньки хорошие, прямые, твердые и удобные, – начинаю я себя успокаивать. – Бояться нечего, Родя!»

Ступени, надо признаться, были мелкие. То ли сразу такие вытесали в скале, то ли они уже после сточились обильными дождям и грозными ветрами?

Если бы я шел по ним босиком, полноги бы точно свешивалось. И вся эта лестница была настолько узкая, что приходилось идти по ней полубоком. Ладно, хоть ступени прямые и крепкие и стена справа в глубоких выемках. Держался за них обеими руками, потому как стало вдруг очень страшно. А тут еще и ветер. Пусть несильный и дул прямо в левый бок, прижимая меня тем самым к скале, однако на такой высоте, он совсем не радовал.

Уже пожалел, что решил идти по этой лесенке. Пот зали-

вал глаза, от усердия. Пальцы, белые от напряжения, впивались в трещины на скале.

«Чертово любопытство! Оно ведь может даже и до гроба в этот раз не довести, мать его! Где-нибудь сорвусь и все. Ищите потом, мой хладный труп в этих джунглях. Домой хочу! И особенно в „Пухлую Булку“. Литр нефильтрованного пива одним глотком уничтожить. Впрочем, можно и фильтрованного, лишь бы сразу».

При вспоминании о пиве у меня начали вырабатываться слюни с его вкусом. Жаль, чипсов нет. Сырные подошли бы лучше всего!

Пока я размышлял о гастрономических изысках, каменная лестница плавно поворачивала направо. Я уж думал, так и дойду спокойно до земли, как через пару минут увидел правильной арочной формы вход в пещеру. И лестница вела прямо в нее.

«Что же делать? – задумался я, дойдя до арки и остановившись. – Идти обратно и позвать ребят? Или уже с земли крикнуть? Как подумаю, что опять испытаю, тоже „удовольствие“, только уже поднимаясь, даже спину сводит. Ну, уж нет! Не пойду обратно, ни за что. Значит, идем в пещеру, – решил я».

Добиться огня из зажигалки получилось только с четвертого раза.

– Дешевое китайское фуфло! – фыркнул я в сердцах.

Увеличил подачу газа, и пламя тут же взметнулось вверх,

чуть не опалив мне брови. Зараза! Отрегулировал высоту огня и поднял зажигалку над головой, чтобы охватить мерцающим светом больше площади.

Вход в пещеру оказался немногим шире, чем лестница до нее. Но прямо идти я смог.

Под ногами был ровный пол с толстым слоем мельчайшего песка, принесенного ветром. Стены были гладкими на вид, как стекло.

Я удивленно озирался в тусклом свете, разглядывая полированные поверхности породы. Черный камень со светло-красными и желтыми прожилками вдоль. Очень красивый рисунок открывался в свете зажигалки. А вот снаружи порода скалы была совершенно неинтересной.

Дотронувшись до стены пальцами, я почувствовал гладкий и прохладный монолит. Потолок тоже был ровный. Арочный. До него немного я слегка не доставал рукой, но почему-то был уверен, что он тоже полированный. Что за маляки тут потрудились? Зачем все так полировать?

Давя подошвами кроссовок скрипучий песок, который со временем стал поскрипывать даже на зубах, продолжал идти вперед. Ветер поднимал в воздух мельчайшие частицы песка, почти пыль, а она оседала на мне. Не пещера, а труба. Или, скорее тоннель!

И вот этот тоннель плавно поворачивал направо и совсем чуть-чуть в низ.

Зажимая нос рукой, дабы не чихать, жалел о том, что у ме-

ня в кармане не было противогаза. Столько мелкого песка витало в воздухе, что я уже с огромным трудом себя сдерживал. Боялся, что начав чихать, остановиться мне будет трудно. Помимо того что забрызгаю всю красоту выделениями своего носа, так еще нахватаю полные легкие тяжелой пылью. Там и так-то от курения мало чистых мест осталось.

Чувствуя, как нагрелась зажигалка, остановился и... И мне стало страшно оставаться в полной темноте. Входа уже не видно, а выхода и подавно.

Но как бы то ни было, я понимал, что придется постоять в темноте, пока зажигалка не остынет. Потом пойду быстрее – зажигалка, не ровен час, накроется медным тазом. И тогда уже я буду в этом тазу, в анатомическом смысле этого слова.

Убрав палец с язычка зажигалки, я тут же окунулся в глухую и тягучую, словно кисель, темноту. С трудом переборов в себе желание снова зажечь свой миниатюрный факел, постарался себя успокоить, как однажды мне советовал опытный спелеолог.

Как-то раз, я и еще несколько человек лазили в пещеры. И в одном из гротов у всей небольшой группы, от жидкой глины, по которой мы пробирались на брюхе, погасли фонари – засорились. Тогда было по-настоящему страшно.

– Так, – проговорил я вслух, – успокойся. Прислонись спиной к стенке. Сделай глубокий вдох и...

И бездумно последовав собственному дурацкому совету,

я набрал полную грудь воздуха и чихнул. Да так сильно, что даже перепонки в ушах завибрировали как струны контрабаса. И, наверняка, знатный комок соплей, пролетев со скоростью, как минимум, звука, шлепнулся о противоположную стенку и сразу же от нее отпал. Столько было в нем песка!

Эх! Не посмотришь! Зажигалка по-прежнему была горячая.

Уши нестерпимо заложило и я пару раз глотнул, унимая гул в голове. Потом в темноте вытер нос полой рубашки и прислушался. Ничего не слышно. Хотя нет! Что-то слышно. Я закрыл глаза, сложил ладони ракушкой и приложил к ушам. Вслушиваясь в звук, понял, что его издает, где-то капающая вода.

И хоть я точно знал, что в пещерах на слух полагаться не стоит, мне казалось, что эта капель недалеко. Поэтому чиркнул почти остывшую зажигалку. Пять раз!

Минут десять я достаточно быстрым шагом шел на звуки сочащейся воды. Тоннель все так же плавно, почти незаметно вел меня вправо, но дальше он разъединялся на два хода.

Я прислушался, засек звук падающих капель и смело повернул в левый ход. В отблесках пламени увидел небольшой естественный грот, сравнимый размером с большой комнатой обыкновенной высоты, коих множество появилось в брежневские времена по всей России.

Будто нарочно, у самой дальней стены с какого-то бледного пальца, растущего из потолка (забыл, как называется) до-

вольно часто капала вода и собиралась в естественной, выдолбленной за века, каменной чаше.

– Вода камни точит! – С этой фразой я кинулся к воде и пил, пока мне не стало плохо.

Желудок стал какой-то тяжелый, закружилась голова. Захотелось присесть, а лучше, прилечь. Однако я смог себя заставить потерпеть.

Зажигалку выключил только после того как, тщательно осмотрел, где я нахожусь. Но когда выключил, понял что смотрел не очень внимательно.

Подпирая спиной неровную и холодную стенку грота, в которой и находилась выемка с водой, я смотрел прямо на вход. То есть, как бы смотрел. Не видно же нихрена в темноте! Но когда мои глаза начали привыкать к отсутствию света, я увидел очень слабое, белесое свечение в верхнем левом углу грота. Щелкнул пару раз зажигалкой и ахнул от удивления.

Эта пещера третья на моем жизненном пути и естественно, что я не мог похвастаться особой наблюдательностью. Спелеолог из меня никакой, да и гномом я тоже не являлся. Поэтому сразу и не заметил третьего хода за сегодня.

Этот лаз, очень правильной круглой формы, был бы примерно на границе потолка и стены, если бы они были. Потолок резкими зигзагами и, не всегда понятно где, переходил в стену. До лаза, который я увидел только в темноте, можно было дотянуться, только если подпрыгнуть. Однако, осветив

стенку, я увидел четкие следы мелких выбоин, от пола до самого лаза. Казалось, что по ним вполне можно забраться.

В моей голове уже зрел план: проникнуть в лаз и оттуда на свет божий. Благо его отверстие было большое – метр в диаметре точно, не меньше. Оставалось только надеяться, что выбоины на стене не кончатся, когда до выхода останется совсем немного.

Стоя в темноте, я заворожено разглядывал льющийся свет из этого лаза. Не выдержав больше ожиданий, я засунул зажигалку в карман и на ощупь полез по выбоинам вверх. Как только моя голова оказалась на уровне самого лаза, я попытался разглядеть выход из пещеры. Но опять-таки увидел только белесоватую дымку. В прочем, света в нем хватало.

Я наблюдал за тем как он мерцает, изменяет цвет с белого на желтоватый, затем в изумрудный и обратно в белый. И при этом светло-красные и желтые вкрапления на камне играли такими цветами, что даже радуга по сравнению с ними казалась серой половой тряпкой.

Не раздумывая, я оттолкнулся ногами и буквально влетел в мерцающий лаз.

Глава II

В моем теле разгоралось пламя. Я чувствовал, как тысячи раскаленных ножей впивались в самые незащищенные участки плоти и рвали меня на куски, лишь затем, чтобы создать вновь.

Меня будто перекраивали по новым чертежам. Резали, сшивали.

Периодами, боль завладевшая моим телом, отступала и я начинал чувствовать окружающий мир как никогда в жизни. Все было настолько четко и красочно, что например, не открывая глаз, я точно знал, что лежу на земле, прикрытый до горла каким-то одеялом, а под головой у меня небольшой мешок.

Вглядываясь в себя откуда-то сверху, я видел собственное лицо. Оно было спокойно, глаза закрыты и лишь учащенное дыхание говорило о том, что я еще жив.

Вдруг, я увидел, как мое собственное лицо открыло глаза и посмотрело прямо на меня вверх. Тут же мой взгляд моментально переместился и я, уже всецело я, смотрю на сводчатый потолок, покрытый потрясающими светящимися знаками или письменами.

Я ощущал, исходящую от них энергию и непонятно откуда, знал, что они не нарисованы на поверхности, а являются, как бы самой сутью этого помещения.

Легко, почти без усилия встал и понял, что нахожусь в каком-то старом, почти разрушенном здании. Две его стены отсутствовали напрочь, и крыша в тех местах, лишившись опоры, была обрушена.

У центральной стены, из оставшихся трех целых, находился постамент. На нем замерла каменная скульптура лошади с испуганным жеребенком, прижимающимся к матери и мощным мечом пробившим ее по середине. Будто какой-то великан насадил зверя на меч, как бабочку на иглу.

Лошадь с явными признаками хищника – тонкой мордой, острыми клыками и другими неуловимыми чертами, точно была застигнута в самый неожиданный момент.

На камне бугрились мускулы под, словно, живой и лоснящейся кожей. Она стала на дыбы и ее передние копыта, обрамленные шипами, угрожающе приподняты вверх. Ее большая голова повернута назад и закинута к небу. Хищная морда была раскрыта в беспомощном оскале длинными и острыми клыками. И судя по глазам, устремленным кверху, они смотрели на того, кто причинил ей ужасную боль, пробив ее тело сверху длинным и широким мечом, пригвоздив тем самым невиданного зверя к земле.

Несмотря на то, что животные, изображенные в этой скульптуре, выглядели весьма устрашающе, они не походили на каких-то исчадий ада. Наоборот, весь взгляд жеребенка, обращенный ко мне, излучал доброту и мудрость. И этот меч, как символ несправедливости этого мира, убивает его

мать.

Выйдя из этого храма через один из проломов в стене, я пошел по мощеным улицам пустого города. Все пространство, в котором заполнял легкий туман, и из него отдаленным эхом слышались звуки давно минувшей и неизвестной мне битвы.

Узкие улицы теснили каменные двух-, трех-, а порой, и одноэтажные дома. Они все были запущены и порушены. Везде виднелся осадок прошлых поражений.

Уныние и печаль! Ветхость и разруха! Так можно было охарактеризовать этот давно умерший город. И нигде живой души.

Я заглядывал в окна домов и везде видел, одно и то же – здесь давно никто не живет. Только пыль, покрывающая серые дома, осколки окон и, наверное, крыши. Даже улицы утопали в этом ковре забвения.

Не зная зачем, я продолжал идти. Что-то тянуло меня вперед, будто звало и пихало в спину, точно прогоняло.

Я вышел на небольшую площадь с давно пересохшим фонтаном. Оглядевшись и, следуя на зов, свернул налево. Обойдя различные кучи хлама, подошел к двухэтажному зданию, в котором угадывалась некогда гостеприимная таверна. Перевернутые, почти истлевшие столы и стулья у входа когда-то были летней верандой этой таверны. Возможно, вот в том дальнем углу играли музыканты, а здесь влюбленные пары танцевали, и, наверное, целовались?

Уверенно ступив на каменные ступени веранды, отстраненно подметил, что дверей у таверны давно уже нет. Осталась лишь разинутая пасть входа, в который меня мягко, но настойчиво что-то затягивает.

Зашел внутрь. Там царила та же картина что и снаружи, только хлама было больше. Лестница на второй этаж полностью разрушена. В большом правом зале множество истлевших столов, стульев, диванов и выбитые окна. Ничего интересного.

Направился в левый зал. Он явно был меньше первого, но отличается от него еще и наличием полусгнившей барной стойки и человеком с металлической кружкой в руке, стоящим за ней. Почему-то меня это совсем не удивило.

Человек в сочно-зеленой блузе и черном плаще, с надвинутым на глаза капюшоном не спеша отпил из кружки. Затем вытер рукой небольшую бороду и растянул губы в горькую улыбку.

Я остановился в центре зала и молча ждал.

– Ты последний, сын мой! – тихо проговорил он. – Мой дар тебе, как сыну, находится в Каруше. Желаю удачи!

Он помахал мне кружкой, и вокруг разом померкло, как будто солнце не зашло за горизонт, а упало за него. И я упал за ним в болезненную темноту, забывая обо всем на свете.

И опять тело заливают кипящая лава и мое сознание как будто перекручивают на мясорубке. Не могу больше бороться с этой болью и... вдруг меня подхватывает неведомая сила

и бросает в невесть откуда взявшийся, хрустальный колодец. Падая, ощущаю ускорение, и от нестерпимого ужаса из моего горла вырывается дикий крик отчаяния...

– ...Полторы сотни лет. Скоро... Пей еще...

В мой разум, охваченный голубым огнем, проникает неизвестный голос и пытается меня успокоить. Обрывки непонятных фраз.

– Не беспокойся... перестраивается и ты...

Открыл глаза, зажмурился, потом снова открыл. Повертел головой по сторонам.

Незнакомое место. Кажется, пещерный вход... Небольшой.

И тут меня осенило. Я же просто выбрался наружу из этой пещеры! Точно! Начал припоминать.

Я шел по тоннелю, затем нашел несерьезный грот и воду. Утолив жажду, в полной темноте заметил свет из небольшого лаза и заполз туда. А вот дальше ничего не вспоминалось. Хотя чушь какая-то про хрустальный колодец упорно не вылезала из головы. И голоса какие-то.

Наверно, выбираясь из него, неудачно прыгнул, ударился головой и как следствие этого: отключка и кошмары.

И все-таки это было очень странно – совсем не чувствовал боли в голове. А ведь по логике после такого удара, от кото-

рого я вырубился, какое-то время точно не смог бы на ноги встать. Перед глазами была бы сплошная карусель. А тут все спокойно.

Впрочем, я еще не вставал. Может и не получится?

Взяв одеяло за край, собрался его скинуть с себя и опешил...

Какое одеяло? Откуда?

Мозг, сорвавшись в галоп, подсовывал варианты ответов, один другого невероятней. А когда я приподнялся и, опершись на локоть, увидел мешок с лямками, смятый моей головой, окончательно впал в ступор. Этого я не помнил совсем! Вот теперь голова закружилась. Слишком много непонятного.

Например, меня очень взволновало то, что я увидел, когда выглянул со своего места, наружу. Вход в эту не глубокую пещеру преграждали мелкие кусты. За ними чуть дальше виднелись деревья. Вполне лиственные деревья. Березы, дубы, может липы, но точно не пальмы. Так, где же я?

Почувствовав поднимающуюся изнутри панику, попытался взять себя в руки, сел и постарался успокоиться. Закрыв глаза, почувствовал слабый ветерок, холодящий спину. Знакомый, но неприятный запах, доносящийся снаружи. Какой-то гул. Далекое птичье пение.

Единственное, чего я не слышал, а так хотел, это голосов людей. Где они?

На этот вопрос я не мог сам себе ответить и поэтому ре-

шил не ломать над ним голову. Достаточно было выйти отсюда, и шансы на получение ответов увеличатся в разы. Чего время зря тратить? Ведь ясно же, что сам я не смог бы в бессознательном состоянии положить себе мешок под голову и укрыться одеялом.

Наверное, это сделали ребята, когда увидели, что меня нет? Спустились по ступенькам, дошли до грота с водой, заметили в нем лаз, вылезли сюда и увидели меня валяющегося на земле и без сознания.

Я понимал, что такой ответ слишком притянут за уши, но другого нормального объяснения, у меня не было. Поэтому решил остаться пока при таком варианте.

Главное, что чернело огромным пятном на всей этой странной ситуации – откуда у них взялись одеяло и мешок!? Этот вопрос пристал ко мне, как банный лист, известно к чему, в одной поговорке.

– Все! Хватит рассуждать! – сам не понимая почему, разозлившись, пробормотал я сквозь зубы. – Пора выходить из этих пещер. Достали они меня в конец!

Пока я выпутывался из одеяла, которое оказалось совсем не им (ведь одеяла не делают с карманами, шнурками и пуговицами), услышал отдаленное лошадиное ржание. Затем раздался глухой возмущенный крик, какого-то мужчины:

– Эй! Оставь лошадей в покое, Ульгаэль! И убери меч от греха подальше.

– Я просто хотел разглядеть их образ, – обиженно оправ-

дался кто-то молодым голосом. – Сами же говорили, что мне надо делать это при каждом удобном случае.

Мужчина слегка хохотнул.

– Удобном случае! – передразнил он голос молодого человека. – Сейчас не удобный для этого случай. Разве не видишь, что они уже шарахаются от тебя? Иди лучше проверь, как там этот.

Сидя в абсолютно глупой позе, а именно с задранной правой ногой, запутавшейся в шнурках этого «одеяла», я, не мигая, вслушивался в странный разговор, и ничего не понимал.

«Про кого он сказал – „этот“? И что мне делать, если это они про меня говорят? Обрато лечь или встать? Притворится мертвым или станцевать им чечетку? – лихорадочно соображал я».

Потом спохватился: что за дурь в голову лезет?

Было такое ощущение, точно я не владею собственным мозгом. Вместо того, чтобы выйти к людям, я пытался понять, не причинят ли они мне зла. Почему они должны были причинить его мне, я не знал. Никаких оснований на то у меня не было, так откуда же я такой подозрительности набрался и главное, когда успел?

Что-то странное творилось со мной. Мне то хотелось рассмеяться в лицо любому врагу, то сжаться в дрожащий комок. Будто что-то отвечающее за причинно-следственную связь сломалось в моей голове.

Тем временем я уже различил звуки приближающихся ко

мне шагов.

Решив, что буду встречать посетителя стоя, рванул со всей силы «одеяло» и тут же услышал характерный звук рвущегося ткани.

Материальчик-то, дрянь!

Через некоторое время до моего обоняния донесся слабый запах лошадиного навоза, а до ушей неразборчивое бормотание и тихие шаги.

Быстро поднявшись на ноги и, держа в руках остатки непонятной тряпки, я повернулся лицом к выходу, готовый ко всему.

Видимо Ульгаэль увидел совершенно не то, что ожидал. Подняв ногу, чтобы переступить кусты, загораживающие вход в пещеру, он так и застыл, вперив в меня выпученные глаза. Я тоже от него не отставал и разглядывал его с не меньшим удивлением.

Среднего роста, как я. Довольно жилистый. Цвет глаз не разобрать, но вроде, умные, хоть и дурашливо выпученные. Шапка нечесаных соломенных волос. Не удивлюсь, если в них есть солома.

Нормальный чувак. Вот, только его одежда меня немного смущала. А одет он был более чем странно.

На нем топорщилось что-то вроде удлиненного жилета

красноватого оттенка и расстегнутого на три верхние пуговицы. Из-под него торчали пышные рукава белой блузы, засученные до локтей и чем-то измазанные.

Поверх жилета он был опоясан ремнем с ладонь шириной, на котором с левого боку висели ножны с коротким мечом. С правой стороны из-за ремня торчал кинжал. С этой же стороны к ремню были привязаны несколько мешочков разной величины.

А так же, он был одет в кожаные штаны и обут в длинные коричневые сапоги по колено. И в дополнение к этому странному наряду, поверх всего, за его спиной болтался плащ. Близнец того, что у меня в руках. Только целый.

Что за средневековье?

– Ты на ногах? – вытаращился он, опуская ногу не в пещеру, а обратно, откуда поднял.

– А что? – спросил я. – Не должен?

Парень задумался и не сразу ответил.

– Не знаю, – пробормотал он. – Надо спросить у Мастера

Приглядываясь к парню, и пытался понять, почему он выглядит так странно, я задал тот вопрос, который считал первостепенным в данной ситуации:

– Вы спасатели?

Не дожидаясь ответа, я двинулся к выходу. Парень нахмурился, затем отойдя на пару шагов назад, повернулся куда-то в сторону и крикнул:

– Мастер! Он очнулся и уже встал на ноги.

Мастер? Наверно это тот мужчина, который прикрикивал на него. По крайней мере, других голосов я не слышал.

Но если это спасательная группа, то почему их двое? И что за форма у них такая? Глупости какие-то.

Хотя, ходят же в джунглях Бразилии или еще где с мачете и прорубают себе дорогу в непроходимых зарослях. Но джунглей я здесь не вижу, да и не похожи они на спасателей. Нет, я точно сплю!

Или... Или я не там, где был до этого. То есть, я хочу сказать, что возможно я не там, где начал свой спуск в пещеру. Трудно понять, где я сейчас, не зная, где я был до этого!

Выходя на свет из пещеры, я перешагнул через кусты и пораженный замер, оглядывая окрестности. Да... Теперь я не сомневался, что нахожусь не в тропических широтах. Хотя я никогда там и не бывал, и знать этого точно не могу.

Ладно, потом разберемся.

Я стоял на низком холме спиной к невысокой скале, поросшей пучками травы, а кое-где и хлипкими деревцами. Старая скала скоро совсем превратится в земляной холм и вся зарастет зеленью. Впрочем, еще не скоро. Но самое главное, это никаких, даже малейших намеков на ту скалу, откуда я видел кратер потухшего вулкана. Более того, чувствовался совсем другой климат, весьма отличный от того где мы потерпели катастрофу. Ну и, конечно же, я не слышал и не чуял запаха моря.

Все было другое!

Передо мной расположилась самая обычная лесная полянка метров десять диаметром, с сочной зеленью и окруженная лиственными деревьями. Довольно прохладный ветерок доносил до моих ушей птичий гомон. С права у самой границы поляны стоял мой новый знакомый и, держа меня в прицеле своих глаз, поглаживал пальцами рукоятку кинжала.

Странно. Но почему-то, я совершенно его не боялся. Приступ паники, внезапно нахлынувший на меня в пещере, так же внезапно исчез. Я чувствовал в себе кипящие силы, способные подвигнуть меня на совершение немислимых подвигов. Но при этом сохранял холодное спокойствие и с виду был даже расслаблен. Однако мой слух работал в полную силу.

Я все же хотел расслышать голоса людей, шум техники. Но ничего этого не было.

– Послушай, – обратился я к парню, замечая, как краснеет его лицо. – Ты так и не ответил мне. Спасатели вы или нет? Может вы местные? И как, кстати, тебя зовут?

Почему-то явно не желая со мной разговаривать, парень опустил глаза в землю, затем посмотрел на меня исподлобья, помялся и нехотя ответил:

– Ульгаэль меня зовут. Да, мы местные. А насчет спасателей – это вряд ли. – Он нахмурился еще больше, почесывая затылок, огорошил меня: – К тому же я не понимаю, что ты подразумеваешь под этим словом.

Странное имя, подумал я. На греческое прямо скажем, не тянет. Ну, да ладно, сойдет.

– Спасатели? – Я немного растерялся от такого вопроса и ответил почти автоматически: – Ну, это те, кто спасают людей, когда они попадают в разные катастрофы. Как, например, мы.

В глазах Ульгаэля мелькнула не ясная для меня вспышка.

– Ты что не один здесь? – насторожился он, хватаясь за меч и быстро метая взглядом по сторонам.

– Да. Не один, – сам не знаю почему, неуверенно сказал я. – Нас десять человек здесь. Было двенадцать, но двое пилотов утонули.

На простом, то бледном, то красном лице Ульгаэля отражалось откровенное недоверие к моим словам. Вел он себя так, будто жутко тяготился разговором со мной. Интересно, почему?

– И где же другие? – спросил он и немного другим тоном добавил: – Кто такие пилоты?

Вот черт! Как же ему объяснить, что я сам не знаю, где мои друзья. А про пилотов, он прикалывается что ли? Нашел время!

– Ты что, издеваешься надо мной, спрашивая, кто такие пилоты? – удивился я. Но как бы то ни было решил объяснить. Правда, в конце немного прикрикнул, сам не знаю зачем: – Нас на самолете летело двенадцать человек: два пилота, стюардесса, и девять пассажиров. Что непонятного?

Ульгаэль подпрыгнул от моего крика, крепче схватился за меч, готовый достать его в любую секунду и принял оборонительную позу. На его лбу выступили крупные капли пота, а лицо в очередной раз поменяло цвет.

– Эй! Спокойно, – я примирительно поднял руки, видя такую реакцию.

И тут до меня вдруг дошла его фраза, о том, что он местный. Я мысленно хлопнул себя по лбу. По-настоящему не решился, а то это паренек бы не выдержал и точно меня заколол.

– Ты сказал, что вы местные, – спокойно заговорил я, подходя к нему и все так же держа руки перед собой. – Значит мы в России? По крайней мере, говоришь-то ты по-русски.

Ульгаэль быстро отошел от меня на несколько шагов назад, подойдя почти вплотную к леску.

– Стой! – испуганно заорал парень, выхватывая короткий меч и направляя его острием в мою сторону. – Не подходи ближе, а то я тебе дырку в животе сделаю.

Я застыл в трех метрах от него, показывая тем самым, что не нуждаюсь в дырках в своем животе. Мне он и такой нравился.

Тут из кустов за спиной Ульгаэля, совершенно бесшумно, вышел высокий, широкоплечий мужик с короткой черной бородой и волосами с густой проседью. Одет он был тоже странно – в светло-красную куртку, кожаные штаны и длинные сапоги.

Он не скрывая улыбки, тихо сказал уже знакомым мне, ГОЛОСОМ:

– Успокойся, Ульгаэль!

Парень испугавшись, рефлекторно развернулся и ударил мечом сверху. Мужик, не моргнув глазом, сделал небольшой шаг чуть в сторону и вперед. Затем отработанным движением тюкнул костяшками пальцев парня в правый висок и направился в мою сторону. Меч, просвистев в воздухе, не найдя цели, просто упал в траву. Вместе с его владельцем.

Сильный и быстрый человек, этот мастер, подметил я, смотря на шагающего ко мне мужика. Уж, не в этом ли деле, он мастер? Так лениво уложил вооруженного человека, и при этом ни один мускул на его волевом лице не дрогнул. И походка его, несмотря на седину, легка и уверенна. И главное, бесшумна.

Но, поразило меня больше всего в нем, совсем другое. Неуловимое ощущение нашего давнего знакомства. Мне упорно казалось, что мы были когда-то раньше хорошо знакомы, но сейчас я его не помнил совершенно. Смуглое лицо с глубоко посаженными карими глазами и артистично сло-манным носом. Над левой бровью небольшой, старый беле-ющий шрам. Вроде бы знакомое лицо, но, как я не старался, не мог связать его ни с каким своим воспоминанием. Только смутное чувство далекого знакомства крутилось где-то на периферии памяти. Как будто частичная амнезия внезапно поразила мой мозг.

Остановившись в шаге передо мной, он изучающе разглядывал меня и иногда, почти незаметно кивал, словно соглашаясь сам с собой. Его руки, туго обтянутые рукавами, расслабленно висели по бокам. На губах играла легкая улыбка. И во всем его виде сквозила сила и спокойная решительность.

– Что, не узнаешь? – вдруг усмехнулся он.

Значит, все-таки знакомы, с облегчением вздохнул я. Но вспомнить так и не смог. Действительно что ли, амнезия?

– Нет, не могу вспомнить! – признался я, кусая губы.

Он махнул рукой.

– Не переживай, – широко улыбнулся он и объяснил: – Это у всех так. Скоро войдешь в норму.

– У кого, у всех? – не понял я.

– У нас! – зловеще прошептал он и, видя мою растерянность, громко захохотал, закинув голову кверху.

Честно признаться, в тот момент я чувствовал себя единственным актером в этом бредовом спектакле, которому не дали текст роли. Говоря прямым языком, я вообще ничего не понимал.

– Я вас совершенно не понимаю. – Подумал, что будет лучше, если я буду вести себя с ним осмотрительно и вежливо. А то я видел, как он с пареньком обошелся.

Он перестал смеяться и наигранно тяжело вздохнул.

– Гальтен! – представился он и протянул мне руку для приветствия.

– Родион, – автоматически ответил я, пожимая его крепкую руку.

Затем он неожиданно притянул меня к себе и, похлопывая левой руке по спине, как-то очень тепло произнес:

– Здравствуй, брат!

Как ни странно, я почувствовал, что он мне действительно брат. Не биологический, а гораздо больше. По духу, что ли! Не знаю. Но что-то в этом было правильное и неправильное одновременно.

– Здравствуйте, – неловко пробормотал я, понимая в глубине души, что, возможно, он прав, но сопротивляясь этому.

Он отстранился от меня и, все еще держа мою руку, хмыкнул. Потом положил левую мне на плечо, и сказал:

– Зови меня просто Гальтен. И не беспокойся, скоро ты все узнаешь и научишься с этим жить.

– Что ты имеешь в виду? – не понял я.

Я уже начинал ощущать себя полным придурком. Столько вопросов я только в детстве родителям задавал.

– Потерпи! Скоро узнаешь! – отрезал он и, поворачиваясь в сторону леска, кивком пригласил меня идти за ним.

Парень все еще лежал там же, где и упал. Гальтенмун подошел к поверженному им же самим, Ульгаэлю, и поцокал над ним языком. Затем, указывая пальцем на его висок при-

знался:

– Перестарался малость...

– Ничего себе, малость! – воскликнул я, всматриваясь в неровное красно пятно размером с пятирублевик. – Он теперь, наверное, неделю будет в себя приходиться?

Пока я говорил, Гальтен наклонился над парнем и приложил большой палец к синяку. Подождал несколько секунд, подмигнул мне и убрал палец. Гематомы как не бывало.

– Как ты это сделал? – удивленно уставился я на него.

– Искусство! – вновь подмигнул он мне. И щелкнув пальцами над ухом Ульгаэля, прошептал:

– Уль! Вставай!

Я напряженно всматривался в лицо парня. В начале нашего, не самого хорошего знакомства, я плохо разглядел его. Но теперь отчетливо видел, что ему от силы лет семнадцать. Жаль парня, подумал я. Так получил от своего мастера, что до сих пор не мог очнуться несмотря на чудесное избавление от синяка.

Видя что его шепот не действует, Гальтен начал трясти Ульгаэля за плечи.

– Вставай писарь! – рявкнул он. – Хватит тут лежать. Я что до ночи буду с тобой возиться?

Крик Гальтена живо привел в чувство Ульгаэля и он, открыв глаза, удивленно смотрел то на меня, то на него.

– Ну, вот и хорошо, – уже теплее сказал Гальтен и подал руку Ульгаэлю. – Вставай; уже темнеть начинается.

И действительно стало немного прохладней и темней. Алое солнце почти скрылось за деревьями, даря нам остатки своего тепла. Не знаю, какая тут ночью температура, но то что мне было уже не жарко, это точно. Я немного поежился и посмотрел на встающего парня.

Отпустив руку Гальтена, он недоверчиво глянул на меня. Что-то бормоча он тряхнулся и полез в траву искать свой меч.

– Пойдем, – махнул мне рукой Гальтен и вошел в лес. – Мы здесь рядом остановились.

Гальтен шел первым, за ним я, а в хвосте плелся Уль. Он присоединился не сразу, поэтому отставал на несколько шагов. Я один раз оглянулся и увидел мрачное лицо и взгляд которым он сверлил мне спину. Чем я его разозлил, я так и не понял. Надо будет спросить у Гальтена, пока не поздно.

Лес, действительно, был лиственный. Хотя и состоял из незнакомых деревьев и травы с кустарниками под ногами. Приземистые ветвистые стволы соседствовали с высокими и прямыми, как столбы, деревьями.

Полностью зеленый, длинный гладкий ствол, без единой веточки, венчала крона из листьев синего цвета. А низкие деревья, в два человеческих роста, больше всего напоминали дубы. Форма листьев похожа, но больше и отливают тоже синим цветом. А его кора, просто что-то невообразимое. Красный, с черными опоясывающими полосами, ствол. Словно тигр, вставший на задние лапы и вросший в землю. Ветви

длинные, как и корни, об которые я постоянно запинался, и витые, как девичьи косы. То и дело приходилось постоянно пригибаться и беречь глаза. А вот кусты и густая трава были абсолютно нормальными – зелеными и колючими.

Шли мы, буквально, минут пять по этому леску. За это время я успел понять, что ни когда в жизни таких деревьях не видел и ничего о них не слышал. Все эти мои выводы сливались в один большей вопрос: «Где я?»

Придумать, что ответить, я не успел. Увернувшись от очередной ветки, я вышел на поляну раза в три больше той, с которой мы пришли. Но это было не единственное ее отличие. Она была более вытянутой и полностью окружена деревьями. На одном ее краю плясал трескучий костер, а рядом с ним лежало два бревна тигровых деревьев. Я решил называть их так, пока не узнаю настоящего названия.

На другом краю поляны две стреноженных кобылы, грязно коричневого цвета, щипали траву. Неподалеку от них стоял небольшой деревянный фургон, размером с микроавтобус. Накрытый серым материалом, весь в пятнах, покосившийся и с торчащими ребрами основания крыши. Узкие, деревянные колеса, примерно метр в диаметре, с шестью деревянными палками вместо спиц. Сказать, что колеса кривые, все равно, что ничего не сказать.

Гальтен прошел прямо к фургону и, отодвинув с одной стороны полотно, легко запрыгнул внутрь. Я пошел, было следом, но потом решил пройти к костру и погреться. Воз-

дух стал заметно холодней, и небо окрасилось в более темные тона. За спиной солнце рисовало закат.

Подойдя к костру, я сел на одно из бревен и протянул руки к огню. Люблю костер, еще бы чего-нибудь съестного на нем сделать и было бы совсем замечательно.

Мне, вдруг вспомнилось, как однажды, еще в бытность мою студентом, мы всей группой поехали на природу. Мы развели там такое пламя, что хотелось вокруг него бегать, плясать и петь. Как, кстати, многие и делали. А потом мы жарили на нем все, что было можно и даже то, что нельзя.

Одна девушка, из особо напившихся, пока никто не видел, сняла и бросила в огонь свой бюстгальтер. Но зачем она это сделала, объяснить позже не смогла, только хлопала глазами и пожимала плечами. Я-то понимал ее: она просто была им зачарована. И не удивительно, ведь костер достигал в высоту более двух метров. Он словно гипнотизировал нас своими красками, танцующими языками пламени и треском горящего дерева. Да...

Особенно сильно на нас влиял треск костра. Ну, по крайней мере, на меня. Он был похож на игру тысячи тамтамов на каком-нибудь ритуале африканских каннибалов. Все это было настолько нереально, что и сейчас я думал об этом как о сне.

Встряхнул головой, разметая остатки воспоминаний, увидел Ульгаэля, сидящего напротив меня на другом бревне. Я так сильно погрузился в свои воспоминания, что не заметил,

как он прошел и уселся там. Он сидел, чуть наклоняясь к весело потрескивающему костеру, и что-то держал между вытянутых рук. Словно, показывал это огню.

Немного отклонившись в сторону, я прикрыл глаза от пламени и увидел, что он держит в руках свой кинжал. Небольшой, сантиметров двадцать, клинок с тонкой рукояткой и ромбовидным навершием. Он пристально глядел на кинжал и почти незримо шевелил губами.

– Что ты делаешь? – поинтересовался я.

Он не ответил, но я увидел, что он меня расслышал. После моего вопроса его руки напряглись сильнее и еще шире открылись итак выпученные глаза. На красном лице выступили крупные капли пота, и стало слышно его тяжелое сопение.

Что он делает?

Не дождавшись ответа, я сел ровно и вновь уставился в костер. И сразу же заметил в нем какие-то маленькие завихрения. Затем я услышал, как Ульгаэль напряженным шепотом что-то говорит. Но разобрать, что он шепчет, было трудно, ибо костер начал тихо завывать.

Мне совсем не понравился этот спектакль, поэтому я резво вскочил со своего места, пытаясь понять, что происходит. Моментально отойдя на несколько шагов за бревно, на котором сидел, я продолжил неотрывно следить за парнем. Не надо было ходить к гадалке, чтобы понять, что с костром творится что-то неладное. И уж даже дебилу бы стало ясно, что парень в этом как-то замешан.

Не переставая заворожено смотреть на костер, я увидел, что завихрения стали более плотными и начали с хлопками отделяться от костра и взлетать. Так над костром взлетели и зависли на уровне глаз, семь огненных шаров величиной с кулак. За ними стоял Ульгаэль, направляя, уже на них, свой кинжал. Костер ослаб и почти потух, словно из него отсосали энергию.

Шепот Ульгаэля стал еще громче и прерывистее. Было видно, как сильно он напряжен. Огненные шары наливались оранжевым цветом. Где-то рядом заржали лошади, но я даже не посмотрел в их сторону.

В очередной раз Ульгаэль прервался и со свистом выдохнул. Тут же три шара упали обратно в костер, и он полыхнул, оживая. У парня тряслись ноги, шепот стал срываться на неровный крик и еще два шара упали в костер.

Видимо Ульгаэль понял, что скоро не выдержит и потеряет контроль над всеми шарами. Поэтому он что-то крикнул и махнул в мою сторону кинжалом. Тут же оба огненных клубка с воем понеслись на меня.

Сам того не ожидая, я не пустился бежать, а встал прямо и вытянул перед собой руки ладонями к несущейся угрозе. Шары врезались в них и я тут же, совершенно не испытывая боли, сжал руки в кулаки, тем самым, схватив их.

Меня окатила волна огня изнутри и бешеная ярость разыгралась во мне. Я, не думая, подбежал к замершему Ульгаэлю и ударил ему в грудь ладонью. Буквально тут же, с боку в нас

полетело голубое облако. Парень отлетел в кусты от моего удара, и облако пролетело мимо. А я на предельной скорости отскочил назад и слева заметил, на фоне фургона, человека. Он стоял не двигаясь, с раскинутыми руками и повернутый лицом в сторону нашего с Ульгаэлем поединка.

Я метнулся к нему и второй рукой ударил его в грудь. После моего удара, Гальтен, назвавшийся моим братом, с треском врезался в деревянный борт фургона и осел на землю.

Отойдя в центр поляны, я обессилено опустился на землю. Не спуская глаз с моих противников, пытался отдышаться и осмыслить произошедшее. Но на ум ничего конструктивного не приходило и поэтому, я просто отдыхал.

В голове было пусто. Я ни о чем не беспокоился и никуда не спешил. После горячки боя мной овладело апатичное безразличие. Я просто устал от впечатлений, выпавших на мою долю за последнее время. Мне было все равно, что со мной будет, поэтому я лег на спину и решил отключиться.

Однако, услышав хруст ломаемых веток и отчаянное ржание лошадей, быстро и, абсолютно рефлекторно, поднялся на ноги и огляделся. Будто не я только что решил забыть и плюнуть на все.

В округе ничего не изменилось. Только лошади запутались в кустах, убегая от страха.

Гальтен по-прежнему лежал без сознания у фургона. У парня, приютившегося в кустах, было видно только ноги.

А может быть они, совсем, не без сознания, а умерли? Может быть... Я убил их!? После секундного шока во мне поднялась волна протеста и оправдания. Ну, и убил, так что из этого? Ведь они тоже пытались меня убить. Я просто защищался и все сделал правильно.

И все-таки я чувствовал, что это совсем не правильно. Я побежал к Ульгаэлю и перепрыгнул кусты, забыв о всякой предосторожности.

В тусклом свете все нарастающих сумерек я увидел валяющегося на траве Уля. Его голову скрывали поломанные ветви тигрового дерева. Руки раскиданы и поцарапаны, а на груди сквозь порванную блузу светилось желтое пятно. Оно медленно мигало в такт с дыханием Ульгаэля.

Живой!

У меня словно гора с плеч свалилась. Только вот, кажется, что дыхание его замедляется и пятно реже мигает. Что же делать?

Я вспомнил, как Гальтен приложил свой палец к виску Ульгаэля, еще на той поляне. Но что он при этом делал, я же не знал. Плевать! Для экспериментов было самое время!

Приложив правую руку к мигающему пятну, почти полностью закрыл его своей ладонью.

– И что дальше? – хмыкнул я вслух.

Пятно явно не исчезало. Тогда я попробовал закрыть гла-

за и мысленно представил себе, как пятно перетекает в меня. И сразу же ощутил тепло под рукой. Подождав так немного, я убрал руку и не заметил ничего напоминающего о такой необычной травме. Прислушался к дыханию парня и вздохнул с облегчением: дыхание ровное, пусть и не сильное.

В голове немного прояснилось, и я решил вытащить Ульгаэля на поляну. Выломал и откинул ветки в стороны, закрывающие его голову. Предварительно ощупав его, отметил, что переломов вроде нет. Цел и невредим. Ушибы и ссадины не в счет.

Подсунул под тело руки и легко поднял его. Я даже удивился, насколько он оказался легкий. Не тяжелее упитанного щенка сенбернара. Без усилий, на вытянутых руках вынес его на поляну и положил на траву рядом с гаснущим огнем. Затем автоматически подбросил в костерок поленьев из лежащей неподалеку кучки и направился в сторону Гальтена.

На его груди тоже мигало желтоватое пятно, но чаще и сильнее. Что это могло означать, я не знал, поэтому решил делать то же самое, что и с Ульгаэлем. Когда пятно исчезло, я почувствовал себя еще лучше и бодрее. Словно я вернул свои силы, отдав их перед этим.

Определив на глаз что у Гальтена нет сильных повреждений, так же легко поднял его. А вот это уже действительно

было странно!

Почти двухметровый мужик, не хилой комплекции, а весит будто девчонка. На руках отнес его к Улю и положил рядом. Когда голова Гальтена коснулась мягкой травы, он пришел в себя. Открыв глаза и посмотрев прямо на меня, он вяло улыбнулся и хрипло произнес:

– Как Уль?

– Живой, вроде, – пожал я плечами.

– Помоги мне встать, – сказал он, протягивая мне руку. – Надо его осмотреть.

Я подал ему руку и потянул на себя. Никогда не замечал за собой такой силы! Видимо Гальтен тоже не ожидал от меня такого. Он удивленно посмотрел на меня, хмыкнул и покачал головой. Затем он потянулся, попрыгал, пару раз присел. Закончив гимнастику, прочистил голос и смачно плюнул.

Уже второй раз он наклонился за сегодня над Улем, поводит над ним руками и, вздохнув, констатировал:

– Дурак!

Не знаю, кого он имел в виду, но надеялся что не меня.

Щелкнув над парнем пальцами, он потряс его за плечо и позвал по имени. В этот раз Уль открыл глаза мгновенно, словно ждал знака. А увидев меня, как-то немного вжался в землю. Я прочитал в его глазах страх и почему-то разочарование. Смутившись, отвел свои глаза в сторону.

– Значит так! – твердо сказал Гальтенмун, выпрямляясь.

И дождавшись, когда встанет на ноги Уль, продолжил чеканить слова: – На сегодня развлечений хватит! Теперь мы все ляжем спать и обо всем поговорим завтра.

Затем он повернулся ко мне и сказал, что около фургона лежит плащ для меня. И что я могу его взять, и, не беспокоясь ложиться спать: он обо всем позаботится. Ведь мы теперь друзья.

Мне не хотелось говорить ему, что я не доверяю им обоим одинаково. Однако страха я не чувствовал. Поэтому, не оборачиваясь, пошел к фургону и поднял плащ. Закутавшись в него, я сел и прислонился спиной к колесу, так чтобы видеть моих новоявленных «друзей».

В голову лезли мысли, дикие и неправдоподобные. На вроде того что я на другой планете или в другой реальности. А может быть, просто сошел с ума. Чем не вариант? Хотя об этом еще рано судить, возможно, я повредил голову и вижу совсем не то, что есть на самом деле. Об этом, конечно стоит подумать, но не сейчас. Больше всего меня поразило осознание того что я слишком равнодушно все воспринимал.

Меня не шокировало то, что произошло. Жуткие игры Ульгаэля с огнем, мечи и странные одежды. Конечно же, деревья и нетипичные для современности фургон и лошади. Человек, которого я не знаю, назвался моим братом. И черт меня подери, если это не так. Так что же со мной произошло? И где я? Ответов мне взять было неоткуда, значит, придется

ждать, когда они сами появятся.

Я тяжело вздохнул и поерзал по земле, ища более удобное положение для своей задней части. Сон, который должен приходиться к уставшим людям незамедлительно, меня почему-то игнорировал. Поэтому я сидел, глядя в самого себя, вспоминал, что я сегодня видел и более того, совершил и приходил к неприятному выводу: кажется, я вляпался в скверную историю.

Глава III

С трудом разлепив веки, я понял, что лежу на левом боку на холодной земле, закутавшись по самые глаза в плащ. Светало, но как-то неторопливо. Солнце освещало пока только облака. Вздвогнув, я подтянул колени ближе к подбородку и еще плотнее укутался в плащ. Прохладное утро, ничего не скажешь.

Желание закрыть глаза и вновь отдаться созерцанию снов, боролось с желанием встать, размяться и, особенно, отойти до кустов. А уж отобедать во время завтрака, было бы совсем недурно, как и побегать вокруг для разминки.

Глаза я все-таки закрыл, но вот уснуть уже не получилось. Мускулы тела так и просили напряженной работы. В голове начинали мелькать картинки какой-то особой гимнастики. Мне так и хотелось соскочить и начать разминку: при-топтывать, выгибаться и приплясывать. Хотелось наколоть дров и принести воды. Хотелось взяться за работу, да так, чтоб руки после нее покрылись саднящими мозолями. Первый раз на моей жизни такое чудо!

Желание действия было столь сильно, что если бы не четкий уверенный голос внутри меня, говорящий мне об осторожности, я бы уже носился по поляне, изображая, например самолет. И лишь та самая маниакальная осторожность, что совсем недавно завелась внутри меня, не давала мне со-

рваться и пуститься в эдакую гипер-зарядку.

Потихоньку и помаленьку жажда размяться таяла под ударами новоявленной осторожности. Вдобавок к этому немало способствовала моя врожденная лень, умело рассеивая всякие побуждения тела. Поэтому я начинал успокаиваться и вскоре дошел до того что стал опять засыпать. Но меня и это не устраивало.

Ведь моя осторожность (честное слово, понять не мог чего это я стал такой опасливый) говорила мне, тихо так нашептывая, что если я усну, то могу и не проснуться. Недоумение на счет того, что сейчас-то ведь я проснулся, отметились одним словом: повезло! Ну, а уж если повезло, так не упusti.

Ладно, встаю! Я протер глаза и зевнул. Отметил, что проснулся я один. Гальтен и Уль, завернутые в свои плащи, спали около прогоревшего костра. Ухмыляясь своей маниакальной осторожности, еще раз громко зевнул и усердно заморгал глазами. Потом осмотрелся по сторонам, разглядывая необычный лесок.

Утро оказалось довольно холодным, потому все вокруг было покрыто росой. В том числе и я сам.

На нашей поляне стоял редкий туман. Он как будто не хотел мириться с восходом солнца и до последней капли решил утопить в себе лес.

Темные деревья по краю поляны, застыли в ожидании света и тепла от солнца. Знакомая картина. Мне сразу вспомнились походы на раннюю утреннюю рыбалку. Когда я еще

был маленький; по сырой траве, в резиновых сапогах. Высокая и влажная трава оставляет мокрые следы на коленях. И удивленно смотрящие по сторонам глаза. Леса, поля: все то, чего нет в городе. Деревянные удочки за плечом и дождевые черви, выкопанные вечером в навозной куче на участке, покоятся в старой банке из-под кофе. А банка в свою очередь лежит в пакете вместе с крючками, леской, грузилами и тому подобными вещами. Все это создавало ощущение покорения и обладания ключом к девственности этого первозданного мира. Эх, как давно это было!

Можно долго так лежать и мерзнуть, но я решил, что лучше встать и согреться. Пока мои новые знакомые, не приняли еще чего-нибудь. В смысле, пока Ульгаэль не придумал новое развлечение для меня.

Тело у меня затекло от долгого и неудобного лежания на земле. И, в конце концов, понимая, что сон ушел безвозвратно, именно туда, куда я его и посылал, я встал и, потягиваясь на ходу, дошел до ближайших кустов. Сделав дело, я вернулся к фургону и, осмотревшись, решил побегать на месте, дабы согреться и размять затекшие за ночь мускулы.

Когда я полностью согрелся и прогнал сонливость, наклонился к земле чтобы поднять плащ, на который пару раз случайно наступил, когда разминался. Моя порванная рубашка попала в поле зрения, и я вдруг вспомнил про свой больной бок.

Самое интересное, что когда я делал утреннюю зарядку,

совершенно не чувствовал боли. Да что там говорить, я про нее напрочь забыл. Потому смотрел на свой бок и удивлялся. Рубашка по-прежнему была порвана, но на коже не было и следа ссадины. И трогая ребра пальцами, я не ощутил ни какой боли.

– Интересно, – тихо прогудел я, разглядывая то место, где еще недавно была приличная ссадина. Неужели за ночь вся вылечилась? Или еще раньше? Как я не пытался, ничего вспомнить не мог. Одно было ясно, что я про нее не вспоминал с того момента, как проснулся в пещере.

– Будь слухом и не будешь духом, – неожиданно раздалось рядом со мной. Я вздрогнул и отскочил к фургону. А когда понял, что передо мной стоит, лишь, улыбающийся Гальтен, немного расслабился.

– Что? – спросил я и заглянул ему за спину. Ульгаэль еще спал, а вот костер уже горел. Меня крайне расстроило, что я не заметил, когда Гальтен его разжег и не слышал когда он ко мне подошел.

Гальтен засунул мизинец в ухо и с наслаждением стал в нем чесать.

– Выразусь на понятном тебе языке, – хитро улыбаясь и глядя прямо мне в глаза, сказал Гальтен. – Будь начеку и не будешь на мушке!

– И что это значит? – спросил я.

Гальтен фыркнул и, вынув палец из уха, вытер его об штаны.

– А ты тупее, чем я думал, – произнес он с наигранной серьезностью, – если не понимаешь, о чем я говорю.

– Да, я понял... – начал я оправдываться.

– Ну, если ты понял, зачем спрашиваешь? – добил он меня и усмехнулся.

Я нахмурился и готов был ответить ему грубостью, но он остановил меня и, махнув рукой за спину, сказал:

– Иди, согрейся у костра.

Я посмотрел на огонь и на, спящего рядом с ним, Уля. И сразу же вспомнил о том, как он вчера принялся кидать в меня огненными шарами из этого костра. Естественно, я опасался повторения. И, видимо, выражение моего лица, рассказало об этом Гальтену. Потому как он подошел ближе и подтолкнул меня в спину, направляя к костру. Затем отодвинул ткань на фургоне и крепко вцепился в борт.

– Иди, иди! – произнес он, залезая в фургон и скрываясь в нем. Изнутри послышались шорохи, звуки бряцанья металла и недовольное бормотание. Я вздохнул и нехотя пошел к костру.

Специально громко шагая, я приблизился к Улю. Почему-то подумал, что будет лучше, если он проснется от моих шагов. А то опять накинется на меня ни с того ни с сего и что тогда делать, я ума не приложу. Как в первый раз выпутался, сам не понимаю. Такое ощущение, будто я смотрел со стороны, а кто-то действовал. Брр... Неприятно, когда в голове сплошная каша.

Подходя к костру, я покашлял, не отрывая взгляда от Ульгаэля. Я был напряжен до предела, готовый, если что, отбежать на некоторое расстояние. Нет, я не боялся! Просто осторожничал. Мне ведь было неизвестно, чего еще можно от него ожидать. Вдруг он не спит и только притворяется, выжидая, когда я подойду ближе. Ага, думает я такой дурак! Сейчас приближусь к нему, а он неожиданно плащ с себя скинет и запустит в меня чем-нибудь этаким. Ну, уж нет.

Я громче покашлял, но все впустую – Ульгаэль даже не шелохнулся.

Ладно, подумал я, была ни была. Я позвал его по имени несколько раз, и он наконец-то откликнулся, высунув голову из-под одеяла-плаща.

– Что случилось? – прохрипел он, тревожно глядя на меня заспанными глазами.

Я развел руками и криво улыбнулся.

– Да в принципе, ничего, – сказал я. – Просто я решил тебя разбудить. Мы с Гальтеном уже встали, а ты все еще спишь. – Я немного подумал и соврал: – Вот Гальтен и просил тебя разбудить.

– Хорошо, сейчас встану, – произнес Ульгаэль, зевая.

И в самом деле, он скинул с себя плащ и принялся потягиваться. Я же про себя порадовался тому, что он вроде как не затевает ничего против меня и тому, что он не поинтересовался, почему Гальтен просил его разбудить. Тем более попросил об этом меня. Впрочем чего переживать? Если бы

он захотел осведомиться на сей счет, я бы просто пожал плечами, мол, знать не знаю и, вообще, я не местный.

– А где Мастер? – Ульгаэль стоял спиной ко мне и сворачивал плащ в руках. Он повернулся и вопросительно посмотрел на меня.

– В фургоне, – я показал рукой в том направлении и присел у костра. Ульгаэль посмотрел на крытую тентом телегу и выдохнул:

– Ясно.

Ульгаэль еще раз вздохнул, посмотрел на плащ, который он вертел в руках и чертыхнулся. Потом встряхнул его и положил на бревно у костра с намерением просушить. Затем переступив через бревно, сел на него и шмыгнул носом.

– Слушай, это... – заговорил Ульгаэль, урывками поглядывая на меня. – Тебя ведь вроде это... – Парень явно тяготился разговором со мной, – Радаонт, зовут?

– Родион, – поправил я его.

– Родион? – Ульгаэль недоверчиво поглядел мне в глаза. – И ты не из Лишасы?

Тут уже была моя очередь удивляться. Что-то за последнее время слишком часто я это делал.

– А что такое Лишаса? – спросил я. Мне и впрямь стало интересно.

– Владения Радаонта, – приглушенно и по-прежнему недоверчиво, проговорил Ульгаэль.

Я пожал плечами, давая ему понять, что для меня эти сло-

ва ничего не значат. Ульгаэль недоверчиво хмыкнул и сказал:

– Я тебе все равно не верю, колдун проклятый!

И тут меня словно по носу щелкнули. Я привстал и гневно посмотрел на паренька, который так же соскочил на ноги и принял боевую стойку. Он правой рукой выхватил меч, и его сталь блеснула в свете яркого огня, точно окунувшись в кровь.

Моя осторожность перед этим пареньком, словно маска, спала с лица и явила ему ярость. Мне надоело, что он, непонятно почему, так и норовит меня оскорбить. Хуже того, даже убить пытался. И теперь его меч опять смотрит прямо на меня. Вот только это не важно. С мечом он или разными огненными шариками, но ему меня не одолеть.

Я чувствовал в себе большую силу, и его оружие было для меня всего лишь куском железа в неумелой руке. Но понимал ли он это? Похоже, что вполне понимал. Его лицо принялось менять цвета от ярко-красного, до бледно-серого. В глазах плясал страх перемешанный с решимостью.

– Почему ты все время пытаешься мне навредить?! – тихо спросил я, еле сдерживаясь от желания растерзать его голыми руками. – Разве мы враги?

– Мы ими не были, пока ты не наслал проклятие на мой город, в котором погибли все мои родные. Мои родители, братья и сестры. – Сквозь зубы произнес Ульгаэль и левой рукой вытащил кинжал. Его глаза слегка увлажнились и, на-

полнились болью и желанием отомстить. Он плюнул в мою сторону. – Проклятое отродье! Мастер почему-то защищает тебя. Но мне плевать. Ты подохнешь, как бешеная собака и это я убью тебя, лишасавская нечисть!

У меня отвисла челюсть. Что за грехи этот малец мне приписывал? Я уже хотел сказать, что он меня с кем-то спутал, как он молнией ринулся на меня, пытаюсь проткнуть своим мечом. Но как бы он быстр не был, я был быстрее. Сам не знаю почему, но я успевал, и думать и действовать, одновременно.

Понимая, что вразумить его словами сейчас времени не хватит, я сделал маленький шаг в сторону, пропуская мимо себя меч, которым он метил мне прямо в грудь. Затем сжал его запястье левой рукой, зафиксировал и быстро, пока он не успел пырнуть меня кинжалом, ударил его правым кулаком по лицу. Его голова мотнулась в сторону, и он безвольной куклой осел на землю. Короткий клинок Ульгаэля остался в моей руке, а кинжал упал рядом со своим хозяином.

Рядом что-то зашуршало и я мгновенно среагировал, повернувшись на звук. Это был Гальтен. Он стоял в нескольких шагах от фургона и спокойно смотрел на меня.

– Успокойся, – крикнул он мне.

– Он первый напал, – уже спокойный, я показал клинком на Ульгаэля. – Какой-то нечистой лишасавской называл, колдуном проклятым. А я знать не знаю, о чем он.

Гальтен подошел ко мне, неся в руках какие-то вещи. В одной руке у него был тряпичный мешок, а в другой кожаный.

– Знаю, – недовольно пробормотал он, тряхнув головой. – Видел.

– Так может, объяснишь мне, что он тут плел?

– Позже. – Он подошел ближе и, поглядел на Ульгаэля, повержено лежащего у моих ног. Потом осторожно взял у меня клинок, воткнул его в бревно и протянул мне тряпичный мешок. – Тут одежда и обувь. Переоденься, а то выглядишь как беженец.

– Это я-то беженец!?! – изумленно прошептал я, разглядывая средневековые шмотки Гальтена.

Взяв мешок, я отошел от паренька, который хотел отомстить какому-то колдуну за убиенных родных, а напал на меня.

Очень странно. Мое состояние было каким-то нестабильным. Будто лихорадка то владела мной, то отпускала. Только что я готов был его растерзать и вдруг разом сменил гнев на милость: уже испытывал не злость, а сочувствие и даже жалость.

Нет. Что-то совсем ненормальное со мной творилось. Никогда прежде я не чувствовал таких быстрых изменений своего настроения. А тут оно скачет как у беременной женщины.

Наверное, я бы на его месте поступил точно также. Без

всякой надежды рванул бы в бой, мстить за любимых и родных. Хотя... Постарался бы узнать, кому точно мстить, чтобы не было промашки. А-то убил бы кого-нибудь невиноватого. И что тогда? Убийцей был бы уже я! Короче постарался бы выстроить более надежный план. Впрочем, не знаю...

В мешке, который мне дал Гальтен, имелась серая рубашка, тонкая кожаная куртка и замшевые туфли с бантиками. Честное слово, вся эта одежда вызывала у меня некоторое отупение.

Если, например рубашка, даром что была на несколько размеров больше чем мне нужно, так еще и имела вид, прямо скажем, не модный. Не хочу сказать, что я модник, но такого носить мне еще не приходилось. Сомнительной белизны, на шнурках вместо пуговиц и с манжетами на руках. Но, да ладно, черт с ней. И с грязно-красной курткой тоже, пусть и она была крайне удивительного дизайна. А вот коричневые замшевые туфли на высоком каблуке и бантиком из черной шелковой ленточки на пятке, заставили меня крепко задуматься. И вопрос мой был до крайности прост и для меня лично очень важен: куда же я попал?

В голове сразу замелькали картинки из виденных мною фильмов про старое время.

Вот, кажется, то что нужно!

Именно там я и видел подобную обувь и одежду. Мне вспомнилось, что и холодное оружие, за неимением огнестрельного, тоже было естественным атрибутом прошлого.

В доказательство этого меня сегодня чуть не убили именно холодным оружием.

Гальтен с парнем, так же одеты в какие-то, будто средневековые шмотки. Про лошадей и старую телегу с крышей, я вообще молчу. Так же как и про неизвестные мне деревья...

Да, кстати, про «тигровые» деревья с синей листвой я бы сказал, что такие не росли в прошлом. Как и в мое время. По крайней мере, таких деревья я не видел и даже не слышал, что подобные бывают. И никаких картинок по поводу этого мне память не подсовывала. А, жаль.

В принципе хватало и одежды с мечами и лошадьми. То есть получалось, что я попал в прошлое. Хм!

Я весело хмыкнул, понимая, что такого просто не может быть. Что за сказки? Научным путем доказано, что попасть в прошлое или будущее невозможно. Это же... Как его там? Противоречит всем законам физики и вообще моровому устройству. Но вещи у меня в руках уверенно говорили об обратном. Нонсенс, чтоб его.

Я вертел в руках правый туфель, бывший уже в чьем-то пользовании. Разглядел вышарканные места по бокам, толстую подошву из нескольких слоев грубой кожи и большое темное пятно на тупом носке.

Может туфель и был бы удобен для ходьбы. Мягкий такой. Но не вызывал он у меня доверия, и к тому же не подходил по размеру. Да и вообще, туфель имел вид весьма потрепанный и неказистый. Поэтому я решил остаться в своих крос-

совках. Пусть они и потеряли свою форму, побывав в морской воде, но пока вроде по швам не расползались. А то что, когда они высохли, на черной коже кроссовок появились соленые разводы, так кто на это смотрит? Зато я к ним привык, да и крепкие они были. Собственно потому и не видел смысла их менять.

Засунул туфли поглубже в мешок и бросил его на землю. Потом снял с себя свою порванную рубаху, одел ту, которая была в мешке и заправил ее в джинсы. Да... Ладно, сойдет! Потом натянул куртку и, собрав мешок, сел на бревно.

За то время пока я переодевался и разглядывал странную одежду, Гальтен с Ульгаэлем сидели около костра и тихо о чем-то переговаривались. Над костром, на палке висело несколько приличных кусков мяса. В стороне на кожаном мешке лежал каравай хлеба, четверть круга сыра, пара яблок и две бутылки из темного стекла.

Гальтен поглаживал свою черную бородку и слегка улыбался, поглядывая на Уля. Тот потирал ушибленную щеку и виновато пялился в костер.

Когда я присел, наступило тревожное молчание и продолжалось оно несколько минут. Только Гальтен тихо напевал себе что-то под нос и переворачивал мясо. Ульгаэль бросал на меня редкие, несмелые взгляды. Уж не знаю, о чем они там переговаривались с Гальтеном, но выглядел Уль совсем пришибленным.

– Ты обещал рассказать, почему Уль напал на меня? – об-

ратился я к Гальтену.

Ульгаэль бросил на меня короткий взгляд, потом на своего мастера и тяжело вздохнул.

– Несколько лет назад его семья вместе со всем городом погибла в пожаре, – тихо произнес Гальтен. – Виновным признали мелкого помещика Шои Радаонта, по сути дела сумасшедшего старика, балующегося с запретными знаниями. Схватили и заперли. Суд отложили на этот же вечер, а пока спешно возводили эшафот на площади среди развалин и головешек.

Нахмурившись, я остановил Гальтена жестом руки.

– Подожди! Так, если тот Радаонт был стариком, которого казнили, как я-то им мог оказаться? И что еще за запретные знания, колдовство что ли?

Гальтен весело хрюкнул, но посмотрел на застывшего в печальной позе Ульгаэля и без смешков произнес:

– Можно сказать, что и колдовство. Но штука в том, что когда виселица была готова, обнаружилось, что Радаонту каким-то образом удалось избежать суда. Он просто пропал из закрытой камеры в неизвестном направлении.

Я хмыкнул.

– Ну, так если он был колдуном, мне кажется, ему это было не трудно. Да и как можно поймать и заточить в тюрьму человека с такими способностями?

Гальтен согласно кивнул и легонько похлопал в ладоши.

– Bravo, – произнес он и махнул в сторону парня. – Я ему

то же самое говорил, но уперся и не хотел мне верить. Мщение туманит ум!

Уставившись на Ульгаэля, я обратился уже к нему:

– И все равно мне не понятно, почему ты меня посчитал тем самым Радаонтом. Услышал мое имя и все?

Парень опустил голову еще ниже и не сразу ответил, но когда заговорил, голос его был достаточно твердым.

– Когда мы нашли тебя в пещере, – проговорил он, поднимая голову смотря прямо мне в глаза, – ты был в бреду, метался и что-то бормотал. В какой-то момент ты очнулся на несколько секунд, и мастер узнал твое имя. Вот тогда я и подумал, что ты тот самый колдун, только омолодился как-ким-то образом.

– Ясно! – кивнул я. – Можешь не переживать, я к тому колдуну никакого отношения не имею.

Ульгаэль выпятил губы и резко качнул головой.

– Знаю. Мастер мне уже объяснил.

Тот в знак нашего примирения тотчас же предложил нам немного выпить вина, для аппетита и в знак завершения заблуждений. С чем мы с радостью и согласились.

Мясо было отваренным, потому как имело серый, надо сказать, не очень аппетитный цвет. Но когда оно стало покрываться жареной корочкой над огнем, от мяса потянулся изумительный запах.

Мой желудок бурно отреагировал на это, что в принципе меня не удивило. Я даже не мог вспомнить, когда ел послед-

ний раз. Кажется... Нет не мог вспомнить. Но точно несколько дней назад. Хотя вроде и не чувствую такого сильного голода, как могло бы быть.

Странно это. Уж я-то себя знаю. Стоило мне пропустить обед, как мой организм начинал напоминать мне об этом каждую секунду. А тут ничего такого. Да, голод присутствовал и не малый, но не такой смертельный. Я бы конечно мог и потерпеть. Вот только зачем?

Я сглотнул выделившуюся слюну и, чтобы прервать затянувшийся обет молчания, обратился к Гальтену, который как раз взялся за бутылку и с усердием выкручивал из нее пробку.

– Э-э-э... – я почесал висок и решительно выдохнул. Пора было узнавать, где я очутился. – Гальтен, а сейчас какой год?

Гальтен с хлопком вытащил пробку из бутылки и взял вторую.

– Смотря где, – солидно ответил он. Но я заметил в его глазах какое-то извращенное удовольствие, которое он испытывал при общении со мной. Такое желание вывести меня или запутать. Не дождется! Я тоже умею прикидываться дурачком.

– Здесь! – я развел руки и обвел наивным взглядом поляну. – Где же еще?

Ульгаэль оторвался от созерцания костра и удивленно посмотрел на меня.

– Семьсот двенадцатый год от создания мира, – озадачен-

но сказал он. – Месяц первого урожая. Или просто, – первый урожайный.

Открыв рот, я уставился на него и не сразу смог говорить.

– Как, семьсот двенадцатый? – Во мне зародилось сомнение и подозрение, что Уль меня просто разыгрывает.

Посмотрел на Гальтена и он, подтверждая слова Уля, серьезно кивнул. На их лицах не было ни единого намека на улыбки. Значит, либо моя версия насчет того что я провалился в прошлое верна (тут у меня на спине выступил холодный пот), либо они сговорились и планомерно дурят меня.

– Я серьезно спрашиваю, – произнес я и для пущей убедительности направил палец на Уля.

Гальтен протянул руку к тонкому вертелу и перевернул мясо. Потом посмотрел на меня.

– Думаешь, мы шутим? – спросил он.

– Не знаю, – пожал я плечами.

Мне вдруг стало так грустно. Если это, действительно, окажется правдой, и я попал в прошлое, то что же со мной будет? Меня продадут в рабство или просто убьют как чужака. Могут вообще на костре сжечь. Насколько я знаю, все эти вещи с завидной регулярностью практиковались практически во все времена.

– На вот, выпей «Лучшее Марликанское», – Гальтен протянул мне бутылку. – Может легче станет?

Совершенно автоматически сделал глоток и даже не понял что выпил. На меня навалилась черная печаль, и мне

было как-то не до вкусовых ощущений. Я принялся себя жалеть, проклинать пещеру, в которую залез. Надо было с ребятами остаться, а не шляться...

Стоп!

Я вдруг вспомнил, что на этот остров попал не один. Там на горе еще целая толпа людей осталась. Как же я мог про них забыть? Слава богу, что я хотя бы не один буду в чуждом мне времени.

– Там на горе... – я возбужденно показал пальцем за спину, на ту пещеру, в которой очнулся, и привстал, оборачиваясь, – там мои друзья остались. Я в пещеру один спустился. Но они могут заметить, что меня нет с ними, и тоже попадут сюда.

Ульгаэль жевал кусок хлеба и непонимающе смотрел, то на меня, то в направлении моей руки.

Гальтен тяжело вздохнул и отрицательно покачал головой.

– Успокойся, Родион, – спокойно сказал он. – Они не смогут сюда попасть. Ты прошел через «Окно Отцовского Духа». А оно сделано так, что через него возможен только один переход и только в одну сторону. После чего «окно» разрушается.

Скривившись и совершенно не понимая, что говорит Гальтен, я вновь ощутил, как то покрываюсь испариной, то холодею и замираю. И все же жар проступал сильнее.

– Что за чушь? – вскипел я.

То прошлое, то какое-то «окно отцовское». Я ничего

не понимал. И единственное, что сейчас вдруг захотел сделать, так это вернуться в пещеру и вылезти обратно в свое время и никогда больше не вспоминать этот кошмар. Ведь на самом деле как это жутко очутиться в чужом времени. Где ты никого не знаешь, где ты не приспособлен к этой жизни. – Я должен отсюда выйти. Это не мое время!

– Какое время? – встрял в разговор Уль. Я проигнорировал его вопрос и посмотрел на Гальтена. Не знаю, чего я ждал, но он кивнул и поднялся на ноги.

– Пойдем, – сказал он и направился мимо меня в сторону пещеры. – Сам убедишься, что там ничего нет и мы тебе не врем.

Ульгаэль заинтересованный происходящим, и даже слегка взволнованный, тоже поднялся со своего места и, обтерев руки об штаны, деловым жестом стал прицеплять перевязь с мечом.

Гальтен остановил его жестом и помотал головой.

– Нет, Уль! – Он показал на мясо: – Остайся тут присмотри за завтраком, чтоб не подгорел. Мы скоро обернемся.

Парень нехотя кивнул и сел обратно, уставившись на мясо, так будто хотел изжарить его взглядом, а мы пошли к пещере.

Как оказалось, в ней действительно не было никакого лаза, из которого я мог бы сюда попасть. И тем более никаких там «отцовских окон».

Я излазил всю каверну. Попытался просунуть пальцы

во все щели и трещины, которые только видел. А было их не мало. На что я надеялся? Наверное, хотел их раздвинуть, чтобы можно было пролезть в свое время.

Как это ни парадоксально звучит, но я рвался в свое время, до конца не веря, что я в прошлом. Так сказать, стремился в будущее, которое было моим настоящим, не принимая того, что я в прошлом! Вот так каша из времен получилась.

Шутка ли, когда я еще учился в школе, мне упорно думалось, что родился я не в свой век. Мол, появился бы я на свет лет эдак, триста или четыреста назад, вот где я почувствовал бы себя дома. В своей стихии. А теперь? Как сумасшедший пальцы обдираю об холодный камень, лишь бы вернуться туда – в свое родное время. Ан, нет. Хотел в прошлое? На! Получи и не жалуйся.

Нет, можно было бы, конечно, заикнуться на счет того, что я-то хотел на триста лет назад попасть, где-нибудь в 1700-е года от рождества Христова. Но очутился то я не в 18 веке Р.Х., а в VIII веке (!) от создания мира. Разница, как понимаете, огромная. Но это она огромная, если смотреть на нее со стороны, просиживая штаны в библиотеке и листая страницы учебников. На самом-то деле, это просто катастрофа! Прошлое оно и есть прошлое, каким бы оно ни было. Я для любого прошлого чужой. И тем более, оно для меня чужое. Времени на меня плевать, как мне плевать на трехлетнюю домашнюю свинью по кличке «Тори», которую я видел однажды по телевизору.

Пока я лазил по стенкам в поисках нужного мне выхода, Гальтен раскурил трубку и присел на небольшой камень под сводом у входа. Он смотрел на хмурое небо, так и не порадовавшее нас своим чистым голубым цветом, но и не опечалившее дождем. Пыхтел трубкой и изредка поворачивался в мою сторону, когда я чертыхался, соскальзывая со стены, и падал на пол.

С того самого момента, как я вошел под свод, он ни сказал ни слова, видимо, давая мне возможность убедиться в правоте его слов на горьком опыте. Да. Опыт был горький.

Я довольно умело порезал большой палец, сильно оцарапал локоть и оба колена. Но все это были просто мелочи по сравнению с теми чувствами дикого ужаса, что роились у меня в голове. А уж про чернейшую тоску и сумасшедшее отчаяние в моей душе я промолчу из вежливости перед дамами. Словам, которые могли бы выразить лишь жалкую толику моего состояния, лучше оставаться не высказанными.

У меня появилась одна идея, правда, она пахла дичайшей подозрительностью и мнительностью, но я все же решил ее засветить.

Подойдя к Гальтену, который повторно раскуривал свою трубку, спросил:

– А ты меня не переносил? Я имею в виду, вдруг я очутился в другой пещере. Ты там меня нашел и перенес сюда.

Гальтен шокировано смотрел на меня несколько минут, а потом разразился неистовым хохотом.

А вот мне было совсем не до смеха. Я просто стоял рядом и ждал пока он не закончит показывать мне свои десна. На какой-то момент у меня даже было проснулась надежда, что вот он сейчас отсмеется и скажет, что я прав и все что со мной происходит это забавная шутка. Я воодушевился и приготовился тоже рассмеяться от такой радостной новости. Уже сложил губы в жалкую улыбку. Не хватало только настоящего душевного подъема для безмерной радости.

Гальтен перестал смеяться минут через пять. Он утер слезы, выступившие на его глазах и, глядя на меня, все еще похихикивая, произнес:

– Зачем, Родион?

От этих слов мне сильно поплохело. Картинка перед глазами закачалась, как в предобморочном состоянии. Словно нанесли удар в самое незащищенное место. Не знаю где оно, но было очень больно.

– Мне-то откуда знать? – крикнул я, не выдерживая психологической нагрузки. В моей голове уже крутились не просто подозрительные мысли. Теперь мне казалось, что именно, Гальтен и виноват во всем. – Я же без сознания был! Взяли и утащили. Может у вас шутки такие?

Гальтен смотрел на меня так, словно я нес откровенную чушь. И что-то в глубине души подсказывало, что именно так и есть.

– Пойми, Родион, – тихо и доверительно проговорил он. – Все не так, как ты думаешь. Я тебе все объясню в дороге. –

Его голос приобрел стальные нотки убеждения. – Но ты должен понять, перестать истерить и понять, – он особенно надавил на последнее слово, – что твоя жизнь круто поменялась. Вернее будет сказать, теперь у тебя другая жизнь и другие заботы. Теперь ты другой! Тебе будет это трудно принять и, именно поэтому, я не тороплюсь с объяснениями. Но ты справишься. Все справились...

Я слушал и не слышал. Голова разболелась, дыхание перехватило. В глазах заплясали светлячки. И вдруг появилось ощущение, что кто-то внутри меня переставляет мои органы, как мебель.

Голова закружилась, и я даже почувствовал, что в ней как будто что-то с треском рвется и стучит, все увеличивая ритм.

– Кто это «все»? – еле слышно прошептал я, опираясь рукой о стену, поросшую мелким мхом. – Что со мной происходит?

Гальтен подхватил меня под руку и не дал упасть.

– Я все тебе потом расскажу.

– погоди, – не унимался я. – Расскажи сейчас, что со мной происходит? Почему я испытываю такие странные ощущения?

Я оттолкнул Гальтена и, не удержавшись на ногах, упал на траву, где меня скрутило от страшной боли. И точно червяк под напряжением, дергался, то замерзая, то сгорая дотла.

Через несколько минут я пришел в себя и кое-как сел. Гальтен стоял рядом и неотрывно смотрел на меня.

– Что со мной? – произнес я.

Он выбил трубку и положил ее в кисет. После чего ответил спокойным голосом:

– Твое тело перестраивается, поэтому тебя так и ломает. Но это скоро пройдет, не беспокойся.

Он помог мне подняться на ноги, и мы медленно побрели к нашей поляне.

– Почему оно перестраивается? – спросил я, замечая как нормальное состояние постепенно возвращается.

– Тебе надо поесть. После этого я тебе все расскажу, будь уверен.

В принципе подождать было можно, но я решил уяснить кое-что еще:

– А кто еще провалился в прошлое? – Даже несмотря на свое странное состояние мне было интересно, кто еще оказывался в подобной ситуации.

– Понятия не имею, – пожал плечами Гальтен, словно речь шла о чем-то постороннем. – Да я и не знал, что такое может существовать. В смысле, что кто-то может проваливаться в прошлое. Даже не задумывался об этом.

Ступор непонимания напал на меня, и я остановился в двух шагах перед леском. Будто врос в землю. Гальтен заметил, что я остановился, и повернулся ко мне.

– Но... Ты же сам... – Начал я подбирать слова. Голова опустела и ничего связного из нее не выходило. – Ничего не понимаю. Ведь ты же только что...

– Заткнись и пойдем, – устало сказал он и, взяв меня под руку, потянул в лес. – Перестань выстраивать гипотезы на тему своего положения, иначе с ума сойдешь.

– Хорошо! – Стиснув свою волю в кулак, я последовал за ним.

Мне ничего не оставалось делать как заткнуться и пробираться через ветвистые деревья. Наконец, мы выползли на стояночную поляну и побрели к костру.

Ульгаэль к этому времени уже снял мясо с огня и аппетитно уплетал один из кусков, запивая вином из бутылки.

Он посмотрел на нас когда мы сели на свои места и, поняв по моему поникшему виду, что я не обрел искомое, протянул мне полупустую бутылку.

– Спасибо. – Я влил в себя несколько больших глотков и нагнулся за своей порцией мяса и хлеба. Как бы мне плохо ни было, аппетит не пропал. Поэтому, я остервенело накинулся на горячее мясо, будто оно было виновато в сложившейся ситуации.

Некоторое время мы только ели и пили. Молча, если не считать нашего чавканья. Все-таки в пасмурную погоду, еда, приготовленная и поглощаемая на свежем воздухе, не сравнится ни с одним ресторанным блюдом. И правду говорят, что голод и свежий воздух самые лучшие приправы.

– Ну, что, закончили обжираться? – улыбнулся Гальтен нам с Улем и достал свою трубку. Не дожидаясь ответа, он продолжил: – Тогда немного отдохнем и двинемся дальше.

– Куда? – спросил я, завистливо глядя на то, как он наби-
вает трубку табаком. Мне тоже нестерпимо захотелось выку-
рить сигарету. Но с сигаретами у меня было неважно. Честно
сказать, их у меня совсем не было.

Может, разве что взять табачку у Гальтена и сделать себе
самокрутку. На безрыбье, как говорится, и уксус сладкий.

Гальтен заметил, как я жадно посмотрел на его кисет и ки-
нул его мне.

– Трубка-то есть? – полюбопытствовал он у меня. Я мот-
нул головой, давая понять, что таких не держим. Тогда он
обратился к Улю, который вытирал масляные губы рукавом
и довольно рыгал: – Дай ему немного бумаги.

Уль развязал один из мешочков на своем поясе и протянул
мне кусок толстой желтоватой бумаги с ладонь размером.

– Подойдет? – искренне поинтересовался он.

Я взял кусок бумаги потер ее между пальцев и удовлетво-
ренно кивнул. Порвал на несколько частей клочок. Положил
их в карман (на будущее, подумал я), а один оставил для са-
мокрутки.

– Покатит. – Я потер руки и принялся закручивать темный
и пахучий табак в твердую самокрутку. А про себя думал,
надо признать не без радости, что Уль похоже перестал меня
ненавидеть. И то, радость. Не знаю, что ему Гальтен нагово-
рил, но это помогло. По крайней мере, теперь он не смотрит
на меня врагом. А вроде как, даже дружески поглядывает.

– Так, куда мы двинемся? – повторил я свой вопрос и по-

глядел на спутников. Потом достал уголек из очага и попытался прикурить свою кривую сигарету. – Раз уж я не могу вернуться!

Гальтен выпустил клубок густого дыма.

– В Каруш, – просто ответил он, так будто я должен был знать это место с самого своего рождения. Но самое интересное, это то, что я уже где-то слышал такое название. Что-то... такое знакомое. Вот только где я его мог слышать, причем, совсем недавно?

– А что это? – выдавил я из себя, крепко затянувшись. Табак был, просто ядовитым, черт бы его побрал. Я кинул кисет обратно Гальтену и он легко его поймал, подвесил на пояс.

– Это большой портовый город на севере, – объяснил Уль и показал пальцем туда, где, по его мнению, находился север. То бишь, в противоположной стороне от пещеры, из которой я сюда попал. – Примерно в двух днях пути отсюда.

– И что там делать? – буднично спросил я. – В смысле, зачем вы туда направляетесь?

Гальтен закрыл глаза, и казалось, заснул. Только изредка выпускал облачко голубого дыма. Как будто бессмертный Шерлок Холмс в гениальной роли Ливанова задумался над очередным делом. На меня тоже навалилась приятная усталость, и я сполз на землю, а спиной прислонился к бревну. Вытянул ноги в сторону догорающего костра и почувствовал расслабление всего организма.

Только что меня буквально рвало на части, от чего я схо-

дил с ума и вдруг, какое-то спокойствие угнездилось в уголке души. Если верить словам Гальтена и мое тело по какой-то пока непонятной мне причине перестраивается, то хотелось только одного: быстрее бы оно перестроилось. Потому что мне уже надоели эти всплески и затишья, как сумасшедших.

«Может это шизофрения? – пронеслась шальная мысль в голове. Впрочем, я ее сразу же отогнал подальше: – Пока об этом рано думать. Картина моего положения еще не построена целиком».

Уль, сидевший слева от меня в полутора метрах, так же привалился спиной к своему бревну и широко зевнул.

– Так, мы уже два года как путешествуем с места на место, – он кивнул на фургон, отвечая на мой вопрос.

– А чего вам на месте не сидится?

Паренек пожал плечами, явно думая, что бы мне ответить.

– Ну... – замялся он. Потом почесал подбородок и развил свою мысль: – Не везде нас принимают хорошо. Да и мастер не любит сидеть на одном месте.

Я кивнул и затанулся.

– Кстати, – я стрельнул глазами в дремлющего Гальтена и прошептал: – Все хотел спросить, почему ты его мастером называешь?

– Он обучает меня магии, – буднично проговорил он. – И фехтованию изредка.

Я подавился дымом из самодельной сигареты и надсадно закашлял. Да так что на глазах выступили слезы.

– Чему обучает? – переводя дух, переспросил я. Мне показалось, что я ослышался и Уль сказал что-то про магию. Вот уж смех, так смех. – Магии?

– Искусству! Или попросту – магии! – почти обиженно заверил меня паренек и хвастливо сверкнул глазами: – Такого учителя найти непросто.

Хотелось рассмеяться над подобными бреднями. Но потом почему-то вспомнились огненные шары, которыми Уль в меня бросал, после того как поднял их из костра. Как это, кстати, у него получилось? Весьма необычное умение. И полезное, наверно? Да и мое перемещение, тоже из разряда вон выходящее происшествие. Так что, возможно Уль не врет. Вот я блин, попал!

...– ругнулся я.

– В чем дело? – откликнулся он на мою ругань.

Я махнул рукой, как бы говоря: успокойся, тебе не понять. Но потом подумал и решил открыть ему причину своей нецензурной тирады. Надо же было кому-то открыться.

– Понимаешь, Уль, – вздохнул я и глубоко затянулся своей самоделкой. – Сначала мне было просто очень хреново. Это когда я понял, что попал в прошлое. То есть сюда. А теперь, когда я вижу, что в этом времени еще и магия существует, я чувствую, что до сумасшествия мне совсем недолго осталось. Вот докурю и все: прощай осознанное состояние, здравствуй овощ!

Гальтен хмыкнул со своего места, а Уль непонимающе по-

смотрел на меня.

– О каком прошлом ты говоришь? И причем тут овощи? – не понял Ульгаэль. Он почмокал языком и нащупал в зубах остатки мяса. Широко раскрыв рот, принялся выковыривать его ногтем указательного пальца. И при этом продолжал смотреть на меня, ожидая моего ответа.

– Об этом, – пожал я плечами.

– Прошное? – как бы пробуя слово на язык, произнес Уль. Он престал ковырять во рту и плюнул в угли. Задумчиво покивал головой, бормоча себе что-то под нос и, уверенно кивнул. – Это не прошное! – заключил он.

Я махнул рукой. Что с него взять? Сам, наверно, не знает, о чем говорит? Он-то в своем времени.

– Мастер сказал, – продолжал Уль, не обратив внимания на мой жест, – что ты из другого мира. Так же как и он. И теперь вы с ним братья...

Это уже было интересней.

– Другой мир? – напрягся я.

Вместо Уля заговорил Гальтен:

– Все, хватит языками молоть, – внезапно поднялся Гальтен. – Собираем вещи и едем.

– А ты! – добавил он, наставив на меня палец. – Хватит стонать и причитать. Разнылся, как баба!

Злоба моментально накрыла меня своим темным крылом и вытеснила из меня жалость к себе. Захотелось ответить подобающим образом. Но в то же время, в его словах чувство-

вался немалый резон. Поэтому я через силу совладал с собой, понимая, что он прав. Действительно, чего-то я разве-сил сопли. Мне стало немного стыдно за такое не мужское поведение. Поэтому я серьезно кивнул Гальтену в благодарность, а про себя решил: впредь не позволять себе так распускаться.

– Так, подожди! – шепотом спросил я у Уля, когда Гальтен отошел до кустов, – Значит, это не мое прошлое? То есть я имел в виду, что я не в прошлом?

Парень отрицательно помотал головой.

– Нет, конечно, – отозвался Гальтен из кустов, – с чего ты вообще это взял? Разве тебе кто-нибудь, сказал подобное?

Через некоторое время в моем рту стало сухо и холодно. Зубы заиндевели, язык присох к небу. Я с трудом закрыл свой рот. Но вышло так, что совсем ненадолго.

– Так, какого черта вы мне мозги все это время парите, – заорал я, бешено сверкая глазами. – Сразу что ли нельзя, было объяснить?

Гальтен, подло ухмыляясь, подошел к нашему очагу.

– Думаешь, помогло бы?

Наглец! Еще и издевается.

– Попытка – не пытка, – огрызнулся я и отвернулся.

Что же делать? Может... или может быть... Что может? Блин, ни одной целой мысли в голове. Меня немного потряхивало и кажется, не от холода.

Опять что ли начиналось?

– Так где я? – не поворачиваясь, холодно осведомился я, сжимая кулаки. Усилием своей маленькой и неразвитой воли постарался взять себя в руки. Только бы голос не дрожал. Уж, не знаю, от чего он мог дрожать сильнее: от злости или от страха. – Где? – ожесточенно повторил я, повернувшись к своему, якобы, брату – Гальтенмуну и его ученику.

Под моим недобрый взглядом, Ульгаэль вжался в бревно «тигрового» дерева и постарался с ним слиться. Гальтен же грустно на меня посмотрел. В его глазах стояла (хотя почему стояла, скорее уж, плескалась) печальная действительность. Похоже, он не радовался моей ситуации. Но почему, тогда он морочил мне голову?

– Теперь, – невесело прошептал он, – ты готов слушать. Прости, но пока в твоей голове роились лишние мысли, ты ничего бы не понял. Поэтому мне пришлось тебя немного вывести. Разозлить. – Гальтен посмотрел в сторону Ульгаэля, который старался выдать себя за естественный и, совершенно, незаметный нарост на бревне. Надо сказать, делал он это, довольно талантливо.

– Почему я бы ничего не понял?

– Ну, понимаешь... – Гальтен присел на бревно и уставился на тлеющие угли, – все не так просто. – Он ненадолго замолчал. Потом громко прочистил голос и заверил меня: – Обещаю, как только мы уберемся отсюда, расскажу все, что знаю сам.

– Почему бы не сделать это здесь? – проворчал я, скепти-

чески посмотрев на Гальтена.

Гальтен встал и начал затаптывать угли.

– Надо уходить! – отчеканил он. Потом сердито взглянул на Уля и прикрикнул на него: – Чего разлегся? Запрягай лошадей.

Уль отпрыгнул от бревна, будто оно захотело попробовать его на вкус, и молнией помчался к фургону.

– Что за спешка? – спросил я, но Гальтен промолчал.

Быстро расправившись с очагом, он поднял мешки с земли и кинул их мне.

– За тобой может быть охота.

– Охота? – не понял я.

– Да. – Гальтен явно спешил уехать отсюда. Поэтому предвидя мой вопрос, он остановил меня жестом руки и подтолкнул к фургону. – Объясню в дороге, а теперь уходим.

Он подошел к Ульгаэлю, который, прикрикивая на лошадей, запрягал их в повозку и принялся помогать ему. А я встал рядом и...

Мне дико не хотелось никуда отсюда уезжать. Все же была надежда на... некое чудо, что ли. Не могу сформулировать мысль, но в глубине души еще теплился огонек надежды, шепчущий, что еще не все потеряно. Мол, может быть, откроется какой-нибудь ход в мой мир. Это при условии, что я действительно в другом мире, как сказал Уль.

А если меня рядом не будет? Так и останусь тут? Со всем не хотелось. Да и ощущение что рядом что-то родное

не оставляло меня. Словно где-то здесь есть дверь в мой мир.
Такой понятный и единственный!

Глава IV

Жара. Грунтовая дорога, изрезанная глубокими колеями, искривляясь немислимыми зигзагами, устремлялась к горизонту. Солнце наконец-то выглянуло из-за туч. Сначала согрело, а потом стало припекать. Как обычно.

Мы ехали. . . . Нет, не так. Мы ползли по истерзанной желтоватой земле. От жуткого скрипа фургона у меня с непривычки заложило уши. А нос я прикрывал, потому что лошади от усилий, да еще на такой жаре вспотели, просто, по конски! Короче, приятно мало.

Я сидел рядом с Гальтенем на козлах. Уль развалился на каких-то тюках в фургоне и спокойно похрапывал. И как ему это удавалось? Хотя, он же местный (каким бы это место не было), значит привычный.

Мы двигались уже полчаса, а Гальтен так и не дал задать мне ни одного вопроса. Я несколько раз порывался начать свои расспросы. Он только отмахивался и просил меня подождать, до нормальной дороги.

Тут, конечно, надо признать, он, действительно, был поглощен дорогой, пытаясь не застрять на ней. Иногда даже прыгивал с телеги и вел лошадей за собой. Лошадям-то что? Идут себе и идут. Им гораздо труднее увязнуть в мягкой земле, чем, например допотопной телеге. Вот Гальтен и старался.

Не имея возможности спрашивать, я пялился по сторонам. Разглядывал окрестности, позевывал и вспоминал нехорошие слова в адрес Марата. Как они там?

Да, попал я в нехорошую ситуацию. И что обидно, только я. Примерно такие мысли распирали мою голову. Это если перевести мои думы на культурный язык. А если не переводить: у-у-у чего там было в моей голове!

Мы выехали на более-менее сносную дорогу. То есть на колею. Но по сравнению с тем, что было до нее, она была ровная как стрела. Поэтому Гальтен отпустил вожжи и отклонился на невысокую спинку.

– Чего пригорюнился? – спросил он, щурясь от солнца.

Я посмотрел на него как... ну, как на дурака что ли.

– Да вот, сам не знаю, – съязвил я. – Вроде бы, не с чего!

Гальтен усмехнулся и стер со лба капли пота.

– Давай покурим, – предложил он и протянул мне кисет.

Такая идея мне пришлась по душе, поэтому я согласился и отметил ее ценность бурной деятельностью своих рук. Быстро достав из кармана клочок бумажки, я насыпал на нее табак и принялся ее сворачивать. Гальтен набил себе трубку и привязал свой похудевший кисет к ремню. Толстая спичка вспыхнула и подпалила мою козью ножку. Затем задымилась трубка Гальтена.

Мы курили. Лошади шли. Крытая повозка качалась и скрипела.

– Ну! – я обернулся к Гальтену и вопросительно нахму-

рился, – где я и как сюда попал?

– Ты в Майтали, Родион, – спокойно сказал Гальтен, поправляя вожжи и выпуская облачко дыма. – А попал ты сюда, я уже сказал как. Через «Окно Отцовского Духа».

Злоба заиграла во мне отвратительную мелодию. Мне захотелось сказать, что я сыт глупыми шутками или что моя нервная система испытала шок и теперь меня нельзя душить. Много чего еще хотел сказать, но не успел.

– И это не бред, – резко охладил меня Гальтен, сверкая глазами. Странно, но почему-то сейчас я полноценно поверил, что это не бред. И неожиданный всплеск злости начал сам по себе рассасываться.

– Потрясающе убедительно, – сквозь сжатые зубы произнес я и сильно затынулся.

Но, кажется, крыть мне нечем. Ведь, если подумать, все вокруг просто кричит о том, что я черт знает где.

– Майтали это что? Страна такая?

– Это мир так называется, – терпеливо объяснил Мастер и уточнил, для важности подняв палец: – Этот мир! А страна называется Кратта Кат.

– Ну, ладно, – сдался я, – допустим, я действительно попал в другой мир. Но как, блин, как?

Гальтен безнадежно вздохнул и хлопнул себя в отчаянии по колену.

– Экий ты болван!

– Объяснять надо лучше, – буркнул я. – У меня в голове

такие вихри, что я то рвать намерен кого-нибудь, то слезы готов пускать, словно программа сбилась. Скажи еще раз, как я попал сюда.

– Я же тебе сказал, что ты попал сюда через «Окно»! – Он усмехнулся. – И оно явно что-то сделало с твоими мозгами. Может еще раз задашь, какой-нибудь дурацкий вопрос?

Ему будто доставляло удовольствие издевательство надо мной? Придирался, зараза. Лично мне, это уже надоело.

– Хорошо, хорошо, – я примирительно поднял руки. – Может, расскажешь полностью что, как и зачем?

Он пыхнул трубкой и прочистил горло, как бы готовясь к долгому разговору.

– Расскажу, коли спрашиваешь, – согласился он. – Это на самом деле времени много не займет. Главное, чтобы ты меня не перебивал.

– Постараюсь.

Гальтен вздохнул, точно собираясь выступить перед аудиторией слушателей.

– Это началось давно, – проговорил он. – Так давно, что никто и не знает. Один человек захотел могущества, да такого, чтобы быть с богами на равных.

Про себя внутри я только хмыкнул, мол, дураков много, но у этого человека самомнение просто зашкаливало. Вслух, я, конечно, этого не сказал. Обещал же, что прерывать не буду, поэтому выражение моего лица являло собой смесь молчаливого сосредоточия и выразительного интереса.

Гальтен между тем продолжал вещать, размахивая иногда рукой:

– Он принялся изучать магию и все науки, которые только могли ему что-то дать. Он не тратил время ни на что, кроме познания, стремился лишь открыть для себя секреты мироздания.... Прошли долгие годы, после того как он задался такой целью. И вот однажды, он проник в тайны, недоступные людям. Ему казалось, что он почувствовал прикосновение счастья. Однако ликовал он не долго. Потому как, боги не захотели видеть среди себе подобных, какого-то человека. Наглого и самоуверенного, считающего себя равным им – богам. Они попытались его убить или лишить того что он достиг – знаний. Но скупые боги, не учли, что человека, таким трудом добившегося почти божественной сущности, просто так не убить.

– Архичушь! – все-таки не удержался я и тут же увернулся от тычка в бок. – Ну, Гальтен, это же бред! – взывал я к его разуму, чуть ли не крича. – Да еще так рассказываешь, будто сказку на ночь читаешь. Или как на партсобрании про дедушку Ленина рассказываешь?

– Как сам знаю так тебе и говорю, – огрызнулся он, но было видно, что ему и самому не нравится стиль изложения.

– Давай попроще, без пиетета, – попросил я, выкидывая окурок в высокую траву по обочине дороги.

Мы подъезжали к небольшому озеру или скорее, судя по запахам и звукам, свойственным только стоячей воде –

болоту.

– Ладно, – выдавил Гальтен.

Он как заправский кучер прикрикнул на лошадей, чтобы те быстрее шли. Витиевато так обозвал их. Лошади же, как весьма своенравные скотины, артачились и норовили свернуть к воде, пощипать сочную травку.

– В общем, этот человек достиг могущества. Вернее был в одном шаге от него, когда... – Мастер замолчал и привстал, вглядываясь в горизонт.

– Ну! – нетерпеливо кивнул я и посмотрел туда же. Пусто, только в марево земля зноилась. – Когда, что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.